

Павел Мамонтов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Разведчик

Мир Колоний

Павел Мамонтов

Разведчик

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Мамонтов П. А.

Разведчик / П. А. Мамонтов — «ЛитРес: Самиздат»,
2014 — (Мир Колоний)

Виктор Ахромеев – командир разведгруппы Зелёного Города: русской колонии, созданной в суровом и жестоком мире магии, чудовищ, нечеловеческих рас и врагов-людей, еще более опасных, чем нечисть. Задача Виктора – делать то, что он умеет лучше всего: драться и убивать, защищая свою родину, друзей и любимую сестру. От врагов внешних и внутренних. От нечисти, нелюдей, разбойников, предателей... Этому учили Виктора отец и наставники. Здесь Мир Колоний. Здесь граница между своими и чужими всегда в шаге от тебя. Отступи – и всё, что ты любишь, превратится в прах. Здесь живут и побеждают те, кто сражается насмерть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Неандертальцы	6
2. Трапперы	12
3. Игла	22
4. Марафон	25
6. Дом	41
8. Друг отца	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Часть I Я рейдер

1. Неандертальцы

Виктор Ахромеев

Быстрый бег, удары подошв о мягкую прелую землю, ритмичное дыхание, стук сердца, пульс, уверенно бьющийся в артериях. Тело само двигается так, чтобы лёгкие раздвигались и заглатывали воздух, а на обратном движении выплёвывали ядовитый газ. В темноте ночного леса глаза ловят серые тени, очертания деревьев, веток, мелькающих по бокам, свисающих над еле заметной тропкой. Семь человек в размеренном ритме бежали по звериной тропе. Я бежал третьим по счёту, двое впереди, четверо сзади.

Идущий первым дозорный уверенно смотрит вперёд, но и чётко держит след, оставленный на тропе, подмечая каждую мелочь: сломанную ветку с остатками сухих листьев, взрыхлённую почву (вот тут и надо сказать про ночное зрение, иначе никакой логики). Если на пути окажется натянутая верёвка, сучок, мешающий движению, который так и хочется отбросить, или тоненький разрыв в слое земли, впереди идущий это заметит. За ним бежит второй дозорный, страхующий, который делает всё то же самое. Я командир группы, поэтому бегу третьим, за мной прикрывающий маг, потом пулемётчик и снайпер (они же правый и левый дозорные) и замыкающий боец. Все в маскировочных куртках, с накидками и в разгрузках поверх железных пластин брони.

У всех автоматы с примкнутыми штык-ножами. На бедре у некоторых висит длинный нож или кинжал, а у второго дозорного, Коли Викинга, на спине настоящий меч.

Семь едва различимых теней бегут по лесу.

– Чи, щи, – сказал второй дозорный, будто прошуршал ночной грызун или серая выпь взмахнула крыльями.

Группа замерла. Каждый всматривался в серо-чёрные тени, пытаясь заметить врага. Враг себя обнаружил, пожертвовав скрытностью, чтобы усилить удар. Переплетения веток и листьев в семи шагах слева вдруг обернулись рукой, делающей могучий взмах. Полуметровое копьё с каменным наконечником с огромной скоростью полетело во второго дозорного, но тот успел отреагировать, отклониться, позволив копьё лишь скользнуть по броне.

Тут же из кустов на группу выпрыгнули со страшным рёвом два силуэта. Одновременно нас накрыла волна эмоций: страх, паника, невозможность сопротивляться противостоящей огромной силе. Но в группе не зря находится маг, да и каждый боец умеет справляться с ментальным прессом, главное, не думать, а делать то, чему тебя учили.

В первый силуэт ещё на лету ударила пулемётная очередь, развернула и отбросила его на землю, где сразу три трассирующих пунктира добили дергающееся тело.

Это я заметил краем глаза, потому что второй враг с рёвом набросился на меня. Кремниевый топор с отлично отшлифованным лезвием, несомненно, прорубил бы мне голову, если бы я стоял на месте. Присев на корточки, я пропустил топор над головой и дважды выстрелил, но это не остановило нападавшего. Расстояние было слишком маленьким, поэтому пули проходили насквозь, не отталкивая.

А вот рубящий горизонтальный удар штык-ножом заставил противника отшатнуться. Но он непременно попытался бы напасть снова, если бы сразу за штыковым ударом не последовала очередь в упор, прямо в пах. Даже неандерталец не может жить с разорванной мошонкой и разможжёнными костями таза и копчика. Раненый враг издал булькающий звук и рухнул на спину.

Я снова вернулся к обязанностям командира группы и оглядел поле боя. Ночное зрение было бесцветным, серо-чёрно-белым, зато более-менее чётким. Света звёзд и ушербоного месяца мне вполне хватало.

Около звериной тропы лежало два трупа. Коля Викинг как раз поудобнее перехватил длинный узкий меч, чтобы добить третьего неандертальца, который минуту назад метнул в него копьё. Неандерталец был ещё жив, хотя в груди у него зияла цепочка пулевых отверстий, а правая рука была начисто отрублена.

Два убитых неандертальца, небольшого роста, могучие, длиннорукие и широкоплечие, даже мёртвые внушали уважение.

Головы у них были широкие, будто приплюснутые сверху, а лица искажены злобным оскалом, но всё равно они не выглядели тупыми или звериными. Из одежды на неандертальцах были только короткие шерстяные штаны до колен и какое-то подобие кожаных жилетов.

Раздался влажный хруст, последний неандерталец вздрогнул и умер.

– Вроде всё, – со вздохом проговорил дозорный Вадим Санилов, идущий первым, самый молодой в команде, которому сразу дали кличку Салим. Сказал почти обычным голосом. После недавнего шума маскироваться смысла не было.

– Погоди, – сказал Коля Викинг, вытирая меч, и обратился ко мне: – Командир, что-то я сомневаюсь, что эти вот, – кивок на трупы, – так просто нас к остальному племени подпустили. Может, след запутывали?

Коля был прав, я задумался, потом ответил:

– Да, могли и запутать след. Могли остаться, надеясь, что ранят кого-нибудь, и мы прекратим преследование. Тем более в стаде их было мало, не больше полутора десятка неандертальцев. За таким небольшим особого смысла нет гоняться.

Ещё немного поразмышляв, я задрал рукав маскхалата, прищурился, привыкая к свету наручных часов, и сказал:

– Сейчас четыре часа утра, солнце взойдёт через три часа. Тогда преследовать их мы не сможем. За полчаса надо найти настоящий след и догнать стадо. Гаврик, – обратился я к нашему магу, – передай в Западное городище: «Группа Ахромеева продолжает преследование до утра, направление – северо-запад». Коля, ты теперь пойдёшь первым. Молчи, Салим. Группа, приготовиться. Марш!

Коля Викинг обтёр клинок и закинул в ножны за спиной, обошел Салима и побежал первым. Однако вскоре пришлось возвращаться – след действительно оборвался. Три неандертальца остались, чтобы защитить своих соплеменников – задержать нас и дать стаду уйти.

Через десять минут мы напали на след остальных – они уходили в сторону от тропы, на юго-восток, явно направляясь к ручью у подножия невысокого горного хребта, в семи километрах к югу. Переправившись через него, можно серьезно оторваться от моей группы. И им это удалось.

Моя группа вышла к ручью как раз в тот момент, когда на другом берегу по сорокаметровой скале поднималась последняя фигура. Инга, наш снайпер, вскинула винтовку, прицелилась. Раздался выстрел, и карабкавшийся неандерталец рухнул в воду.

– Самка, – сказала снайпер, посмотрев в оптику, – похоже, старая.

На другом берегу ручья лежало сломанное дерево, которое, видимо, беглецы использовали в качестве моста, у нас такой возможности не было. Я скинул с головы капюшон маскхалата, несколько раз провёл ладонью по взмокшим от пота волосам и начал разглядывать в бинокль скалу.

– Ошибся ты, Виктор, – сказал я самому себе, – упустил их, проиграл. Плохо.

– Писец, – высказался Боря Звягинцев, пулемётчик моей группы, здоровенный курносый бугай с покатыми плечами.

Я пристально посмотрел на Бору, тот потупился и стал разглядывать свой пулемёт Калашникова, будто в первый раз его увидел.

Солнце уже взошло, и его лучи больно резанули по глазам, перешедшим на ночное зрение. Я скривился, ругнулся про себя, а вслух распорядился:

– Гаврик, передай в городище: стадо ушло, устраиваемся на ночлег, через шесть часов выходим обратно.

– Есть, – ответил маг и активировал свой амулет связи, висящий на груди: два камня, синий и красный, размером с большой палец руки.

Амулет связи работает по принципу обычной морзянки, только передаёт не отдельные сигналы, а целые заготовленные слова, но многое зависит и от самого передающего мага. Гаврик, худощавый, на первый взгляд, на самом деле был очень крепким и выносливым человеком. При этом довольно хладнокровным и весьма сообразительным. В общем, прекрасно дополнял пулемётчика Борю, вместе с которым они, согласно уставу, составляли основную ударную силу подразделения.

Место привала нашли почти сразу, в трёхстах метрах от ручья, в ельнике. Высокий покатый склон с одной стороны и почти отвесный – с другой. Видимо, его подмывал разливающийся весной ручей.

Осталось распределить часовых, и можно ложиться спать. В группе семь человек, прикрывающий маг, после того как установил сторожевые сигналы, ложится спать и не дежурит. Остальные дежурят вдвоём по два часа, в итоге получается на каждого по четыре часа сна, вполне достаточно, чтобы выспаться.

Себя я поставил в последнюю смену, не потому, что командир, а потому, что лучше всех вижу в темноте и, когда восходит солнце, я некоторое время практически ничего не вижу. Это моё слабое место, ничего не поделаешь, у всех оно есть.

* * *

Меня тронули за руку, я открыл глаза. Боря уже ложился.

Всё делалось молча, без всяких «вставайте, командир» или «Ваше время, пора дежурить».

Так в рейде всегда бывает: все друг друга понимают с полуслова. Порой за весь рейд, а это недели полторы-две, друг другу и двух десятков слов не скажем. А как иначе, если все в группе, кроме Бори и Гаврика, считай, с детства знакомы?

Среди разведчиков-рейдеров даже позывные не очень приживаются, все и так понимают, кто к кому обращается. Ко мне обращались по позывному, только когда я работал в Зелёном Городе, пару раз такое случалось.

Поганенькая работёнка, надо сказать: тотальная секретность, конспирация, интриги и всё такое. Вот тогда по позывному «Хром» и обращались. А в рейде всё больше «командир» да Витя, если с глазу на глаз.

Я поднялся, положил руки на поясницу, выгнул спину назад, потянулся. Накинул на плечи свою броню, разгрузку и пошёл на пост. Броня у меня сделана в виде панциря, наподобие чешуи сказочных драконов, про которых пишут в книжках. Она хоть и малость тяжелее обычного бронежилета, зато не сковывает движений и прикрывает плечи. Сработал её на заказ один городской умелец, уверял, что по древним технологиям: чешуйки вырезались из титанового листа и крепились внахлест на алюминиевую проволоку. Кузнец уверял, что надёжнее моего панциря в мире нет.

Часы показывали пять минут двенадцатого. Со мной дежурил Сашка Заторный, старший сержант, наш замыкающий, хороший боец и просто классный мужик, на два года старше меня. Он большой шутник да ещё на гитаре отлично играет. К власти и ответственности не стремится, поэтому до сих пор ходит в сержантах. Это я – офицер в нескольких поколениях, наследственность обязывает. Хотя в Колониях понятие «офицер» сильно размыто.

Я заступил на вахту, выбрал позицию поудобнее, прямо за валуном у подножия склона. И сектор обстрела хороший, и тропинку вдоль склона, которая ведёт к ручью, можно прикрыть,

если отступить придётся. Я устроился поудобнее за валуном, автомат повесил на шею и положил на шершавую поверхность камня, затем прикрыл голову капюшоном, расслабился. Заметить теперь меня было очень сложно.

Лучи солнца больше не резали глаза, и сквозь полуприкрытые веки я фиксировал взглядом всё происходящее в радиусе ста метров. То же самое делал с помощью слуха и обоняния. В общем, я занимался тем, что умеет не только каждый разведчик или траппер, но и любой хороший охотник. Мои органы чувств держали под контролем окружающую местность, тело отдыхало, а разум думал. И мысли приходили нехорошие – о будущем втыке от начальства, за то что упустил стадо. Хотя во многом это был прокол Гаврика.

Самых неандертальцев заметили охотники одного из форпостов, небольших укрепленных поселений, которые расположены вокруг Западного городища. Точнее, охотники напоролась на стоянку, где ночевали неандертальцы. Двое глупых охотников решили пройти дальше по оставленному следу, больше их никто не видел. Один умный вернулся на форпост и передал весть в Западное городище. Моя группа как раз патрулировала лес. Мы начали искать следы, Гаврик тоже, но по-своему. Он и неандертальцы сразу друг на друга напоролась на ментальном уровне или в астрале, я в этом не сильно разбираюсь, а маг подробно не объяснил. Зато вину свою понимал. Но от этого было не легче – стадо всё равно упустили, несмотря на все усилия.

А Колониям нужны рабы, и особенно нашей. Из неандертальцев, троллей, снежных людей, да из любых более-менее разумных гуманоидов делают рабов, чтобы добывать уголь на центральных шахтах и торф на северных и южных болотах. Отчасти поэтому каждые две недели отправляются в рейды разведчики. Топливо нужно Колонии как воздух.

И здесь тролли, снежные люди и прочие нелюди с их огромной силой и выносливостью подходят как нельзя кстати. Но чтобы заставить коренных жителей Мира выполнять работу, приходится сажать их на тяжёлые наркотики, ломая ментальную связь внутри семей и племен.

Качнулась ветка в лесу, в пятидесяти метрах от меня. С неё взлетела птица сорока. Не двигаясь, я только чуть повернул голову, всматриваясь туда, откуда донёсся подозрительный шум. Скосил глаза направо, на Сашку Загорного, в двадцати метрах правее от меня. Он показал жестом, что тоже услышал шум. Десять секунд, тридцать. Ничего. И интуиция молчит, значит, всё в порядке. Знак Саше:

– Отбой, всё нормально.

Можно дальше спокойно дежурить. Лес здесь хороший, чистый, без разной нечисти и опасных тварей. Причина, скорее всего, в ручье: все реки в округе питаются водами горных ледников, расположенных в пятистах километрах севернее, а горные породы содержат немало минералов, которые не любят твари вроде нечисти. Земля вокруг усыпана красно-коричневым ковром опавших иголок. Над ним поднимаются высокие сосны. До этого мы шли через лиственный лес: дубы, клёны, берёзы, уже сбросившие листья. Осень. Дожди еще не начались, солнце ярко светит, хотя ползущие по небу тучи пьют его свет.

Я вспомнил карту местности: этот ручей резко поворачивал на юг, а неандертальцы убежали на юго-восток.

Где-то пятнадцатью километрами севернее должен находиться городок трапперов – охотников на разную особо ценную дичь Мира, а от него идёт хороший тракт к Западному городищу.

«Хм... Тогда по этому тракту и будем возвращаться в городище. Как раз полный круг по местности сделаем», – подумал я.

И посмотрел на часы. Уже без трёх минут час. Пора своих бойцов поднимать.

Я встал из своего укрытия, кивнул Саше, тот тоже поднялся и пошёл за мной на склон, где спали наши друзья. Пять человек, в центре Гаврик, вокруг него остальные бойцы. Ближе к спуску спала наш снайпер Инга, тоже старший сержант.

Милое лицо девятнадцатилетней девушки, короткая русая коса, чуть растрёпанная, аккуратно уложенная вокруг головы, чуть розовые щёки, прямой нос, аккуратный подбородок, грудь среднего размера, мерно поднимающаяся под разгрузкой. Черты лица ровные, нежные, но всё равно в них есть что-то хищное. Правая рука Инги вытянута вдоль винтовки, левая лежит на прикладе. Из-под правого рукава виднеется часть татуировки: два кровоточащих шрама на внутренней стороне запястья. Всего шрамов было семь. Инга отмечала только людей.

– Даже будить жалко, – сказал за моей спиной Саша.

– Жалко, – сказал я, – поэтому ты её и разбудишь.

– Ну ты жук, Витёк.

– Поговори мне ещё! – ответил я с деланным недовольством. – И я тебя отжиматься заставлю.

– А! Ну, раз отжиматься, тогда понял, замолкаю.

Он обошёл меня, положил руку на плечо девушке и тихо сказал:

– Пора вставать, подъём, Инга.

– Какая я тебе Инга, – сонно ответила девушка.

А я стал будить остальных. Через минуту группа уже поднялась. Все проверяли свою амуницию, готовились к продолжению рейда. Разбирали и чистили оружие, проверяли снаряжение, осматривали обувь. «Волка ноги кормят» – гласит гениальная поговорка, пришедшая ещё с Внешней Земли. Я тоже проверил амуницию. Сперва основное оружие. «Калашникова» я чистить не стал, только осмотрел газовую трубку, нет ли повреждений, и проверил, нормально ли держится штык-нож на стволе. Длинный нож на бедре свободно входил и выходил в ножнах. «Стечкина» за поясом тоже не разбираю, просто проверил, как работает ударный механизм.

Затем обмундирование: разгрузка, берцы, куртка, плащ-накидка, армейские брюки. Следующий на очереди – браслет магического прикрытия «Силуэт-М» на руке. У каждого из моих бойцов есть такой. В идеале он должен дробить силуэт солдата для постороннего наблюдателя и маскировать его на фоне местности. Мой даже умеет слегка отклонять траекторию пули, обычной пули, конечно, без наложенной магии.

К сожалению, браслет работает в активном режиме минут пятнадцать максимум. Так что включать его можно только перед самой атакой. Я аккуратно провёл рукой над «Силуэтом», браслет из янтарных камешков и металлических цилиндров еле заметно мигнул. Энергии под завязку.

Последней я проверил рацию, закреплённую на плече. Электроника в Колониях барахлит, но всё-таки работает, так что километра на полтора связь распространяется.

– Раз, два, три. Связь есть, – сказал я по рации, покрашенной под цвет камуфляжа. Сквозь громкий треск я услышал семь ответов:

«Всё нормально, связь есть».

Наскоро позавтракав сухим пайком и оправившись, группа отправилась к городку трапперов, который находился максимум в пятнадцати километрах к северу. Расстояние смешное, но дорога сквозь густой лес могла оказаться непростой. Однако всё было нормально: сначала мы шли в тени хвойных гигантов, которые заслоняют свет молодняку, так что внизу под ними лежал ровный рыжий хвойный ковёр. Пахло грибами. Тут приходилось быть осторожным, чтобы случайно не задеть гриб, пыхающий ядом или спорами. Таких мерзавцев очень трудно было разглядеть в опавшей хвое. Но всё обошлось, этот отрезок пути был спокойным, даже сороки не шумели, хотя лес был живой, просто тихий – каждый это чувствовал.

Через три километра ручей круто повернул на запад, а хвойный лес сменился лиственным, правда, под уже голыми сучковатыми дубами, вязами и берёзами подлеска почти не было. Я сделал уточняющие пометки на карте касательно местности, что по ней можно легко пройти. Странно, что в десяти километрах от поселения трапперов местность толком не обозначена.

Ручей ушёл в сторону и больше не защищал нас от нечисти, правда, судя по следам, её здесь и не было, зато других животных полно. Вот на ближайшем дубе отпечатки когтей и сломанная ветка на высоте пяти метров. Это лев, один. Скорее всего, молодой совсем. Неподалёку от дуба следы стаи волков – прошло не менее десятка. И повсюду в опавшей листве виднелись отпечатки лап более мелких животных.

А вот следов нечисти не было. Как она может выглядеть, трудно сказать, каждый раз по-разному, но она оставляет непропорциональные уродливые следы и ещё запах – неживой запах.

До городка оставалось, по моим прикидкам, около пяти километров, я дал добро Гаврику, чтобы тот вызвал трапперов по амулету связи. С более далёкого расстояния вызывать городок не хотелось, чтобы сохранить силу ценного магического имущества. Можно было бы вообще обойтись без сообщения трапперам. Если бы городок был оставлен, мы бы в него всё равно смогли попасть. Но предупредить о своём приходе стоило, потому что из обитаемого жилища при нашем внезапном появлении можно получить несколько автоматных очередей, несмотря на все распознающие сигналы, вроде ракет и паролей по рации.

Городок трапперов оказался обитаемым, по амулету Гаврику пришёл ответ: «Рады. Ждём. Пить».

После такого сообщения и идти стало веселей, но через два километра группа остановилась.

– Чи, ши, – выкрикнул, Салим, идущий впереди. Жестом он показал, что всё нормально, опасности нет, но тут же подал другой знак: «Следы».

Я прошёл вперёд, посмотрел: это был след от берца чужого солдата – не из нашей Колонии и не траппера, есть такие отличительные значки, по которым их можно узнать, – рисунок протектора, например. И оставлен он был недавно. Коля определил примерное направление движения, оставившего след, и мы двинулись туда же – искать новые отметки. Через три сотни метров нашли место привала. «Гости» даже не прятались, похоже, были уверены, что здесь их никто не обнаружит. На месте привала была разворошена листва, остались небольшие выжженные пятна – следы от спиртовых таблеток, на огне которых разогревали еду. И даже валялись два окурка и обёртка от шоколадной конфеты. Ну и наглость, за такую беспечность надо наказывать. Группа двинулась бегом.

Судя по следам, «гости» сделали небольшой крюк, затем круто повернули на север и, как я и ожидал, сразу вывели нас на обжитую территорию. Салим и Гарик по специальным знакам нашли капкан, поставленный охотниками на крупную дичь. Капкан был не тронут, а вот сторожевой амулет рядом погашен.

Гарик передал в город сигнал тревоги, но связь уже не работала. Значит, впереди противник, и очень опасный противник. Движение кулаком – знак: «Бежать в боевом порядке».

Мы побежали очень быстро. Каждый из нас, даже худощавый Гаврик и здоровенный Боря с пулемётом на плече, может пробежать три километра примерно за двенадцать минут, а некоторые и быстрее. А бежать приходилось очень быстро, особенно когда на полпути мы услышали гулкий лай тяжёлого пулемёта.

2. Трапперы

Было пять часов вечера, небо над головой затянула серая хмарь. Начинало темнеть. Враг решил атаковать городок до наступления темноты, чтобы не ждать, когда внутри ещё больше насторожатся. Но что-то пошло не так, и теперь около двух с половиной десятков нападавших лежали на границе зоны отчуждения (стоиметровой полосы выжженной земли перед частоколом) и палили по крепости. Работали два пулемёта, наверняка где-то были и снайперы. Стрелявшие медленно, но уверенно охватывали укрепление с флангов. Со стены городка – трёхметрового сооружения из толстых брёвен, у подошвы и по гребню которого была натянута колючая проволока, – отстреливались пять – семь защитников. Укрепления трапперов предназначались для защиты от зверья и нечисти, но не очень годились для полноценной обороны, особенно если противник вооружен огнестрелом. Если нападавшим удастся прорваться к стенам сквозь проволочные заграждения внизу на земле, то дело сделано. Гранату за стену, пластичное ВВ в щели между бревен частоккола – и всё.

Но это были не все неприятности. Я разглядывал в бинокль нападавших, которые лёжа вели огонь по крепости. Если смотреть на них чуть-чуть под углом, то над их спинами можно разглядеть еле заметные вспышки разного цвета. Это работают амулеты камуфляжа, которые маскируют своих владельцев: дробят их силуэты, смазывают контуры тела, помогая им слиться с окружающей местностью. Мы смотрели на атакующих сзади, а со стороны крепости наверняка были видны только вспышки выстрелов на фоне тёмных облачков. По ним и вели огонь.

Я выщелкнул магазин автомата и вставил другой со специальными пулями, в наступающих сумерках они отливали красным. Не знаю, что это были за разбойники, но экипированы они были хорошо.

– Гаврик, – шёпотом спросил я, – амулеты можешь оценить?

– Сильные, – ответил маг, – сильнее наших.

– Ясно. Значит, так, – распорядился я, – Боря, Гаврик, Инга, остаётесь здесь, в центре, напротив ворот. Давите пулемёты и, если будут, снайперов. Салим, Саша, обходите стрелков справа и ждёте моей команды. Я и Коля заходим слева. Сначала гранатами, потом в рубку. Сигнал на атаку – взрыв наших с Колей гранат. Вопросы есть? Тогда начали. С Богом!

Мы вдвоём с Колей как можно тише пробирались через заросли небольшого кустарника. Кустарник, не то дикая слива, не то ещё какая-то мерзость, был утыкан шипами до невозможности, так что приходилось двигаться особенно осторожно.

Наконец, мы оказались за спинами стрелков, слева от городка, и чуть нос к носу не столкнулись с разбойниками. Три бойца, прикрываясь зарослями, обходили городок в пяти шагах от нас.

Коля рухнул на землю и превратился в холм с травой, я прижался к растопыренному кусту. Один из шедших впереди обернулся. Увидеть нас он не мог, услышать тоже, да и учуять нас не мог, потому что ветер дул в нашу сторону. И всё-таки один из них почему-то обернулся, моя рука молниеносно нырнула за шиворот и обратно, и метательный нож застрял в глазнице врага. Коля метнулся вперёд, свистнул меч, голова следующего разбойника слетела с плеч, последний оставшийся в живых дал длинную очередь. Коля упал на землю, а я одним прыжком покрыл отделявшее меня от разбойника расстояние. Приземлился на одну ногу, а другой с разворота ударил стрелявшего в челюсть. Сломал челюсть и шею.

Остались ещё шесть врагов перед крепостью.

Коля, не вставая, одновременно со мной достал из разгрузки гранату. Рывок за кольцо, короткий замах, и металлический кругляш, кувыряясь, полетел в сторону стрелков.

– Начали! – крикнул я в рацию и упал рядом с Колей, вжался в землю.

Два хлопка, свист осколков.

И сразу послышался откуда-то сбоку лающий грохот пулемёта Бори.

Коля Викинг в два прыжка вырвался из зарослей с автоматом в правой руке и мечом в левой. Я за ним. Впереди – пять размазанных теней, будто кочки на почве, до них семь шагов.

Я на бегу всадил в центральную «кочку» длинную очередь, увидел, как в разные стороны от неё полетели ошмётки амуниции, и упал с перекатом через голову влево, потому что «кочка» в трёх метрах справа вдруг поднялась. Противник на миг потерял меня из виду. Это был человек-силуэт, окутанный тёмной пеленой, из которой торчал ствол автомата.

Я оказался сбоку от разбойника и прямым ударом ноги сломал ему коленный сустав. Затем сразу перекатился влево, чтобы использовать раненого как щит от следующего врага. Краем глаза успел заметить, как Коля Викинг пришил мечом к земле одного стрелка и разряжал автомат в другого.

Спасла меня интуиция и броня. Может быть, я сам бы так поступил в подобной ситуации. Я снова откатился вправо – как раз в тот момент, когда из груди раненного мной врага стали вырываться красные сгустки. Несколько пуль впились в землю рядом со мной, одна несильно ударила в плечо, но броня выдержала.

Последний оставшийся в живых разбойник решил действовать наверняка – он расстрелял своего раненого товарища, надеясь задеть и меня. Я дал очередь вбок, только чтобы пугнуть стрелявшего, и успел выставить вверх ногу.

Уже мёртвое тело разбойника упёрлось в подошву моего берца, поднапрягшись, я со всей силы оттолкнул его на стрелявшего. Мёртвый бандит на миг перекрыл обзор убийце, а я сгруппировался, прыгнул вверх в двух шагах от живого стрелка. Он попытался было развернуться и выстрелить в меня, но я успел схватить его автомат и дёрнуть на себя, одновременно уходя с линии огня. Мой противник, разумеется, не пожелал расстаться с оружием, дёрнулся назад, тогда я, вложив в удар движение всем корпусом, ударил его головой в нос. Влажный хруст. Всё!

«Твою мать, похоже, действительно всё», – подумал я, когда, чтобы не получить шальную пулю, уже лежал на земле вместе с разбойником. Тот не дышал, и пульс не прощупывался. Наверное, переносица ушла ему в мозг, ну и результат соответствующий.

– Командир, тихо, – сказал Коля Викинг, подползший ко мне.

– Угу, Колян, действительно, тихо.

– Витёк, Ви-и-и-тёк, – раздалось со стены городка, – ты, что ли?

– Я, Рубец, я! – крикнул я в ответ, поднимая голову от земли.

– От бля... ты, видать, меня спас. Слушай, тогда четверть товара, который я через Проход буду сбывать, твоя.

– Потом сочтёмся, кинь пару дымовух перед воротами, чтобы ребята могли спокойно зайти.

– Сделаем! – ответили со стены.

А я тем временем перевернулся на спину и проговорил в рацию:

– Гаврик, Инга, Саша, отзовитесь.

– Потерь нет, всё нормально, – раздался флегматичный голос Гаврика.

– Нормально, командир, – ответил Заторный.

А вместо голоса Инги послышался волчий вой откуда-то из леса перед городком.

– Вот мерзавка! – подумал я, усмехнувшись.

А на ее вой отозвалось сразу пять голосов, копирующих волчий вой. Один из которых – у меня за спиной. Мне тоже ничего не оставалось, как подхватить игру. Я сложил ладони ракушкой перед губами и испустил жуткий вой, подражая серым хищникам с Внешней Земли и их куда более крупным собратьям в этом Мире. Бойтесь, выродки! Мы – разведчики Зелёного Города!

* * *

Одиннадцать человек сидели в большой комнате главного и единственного большого здания в городке трапперов. Под потолком горело три лампочки в ряд. А широкий стол был заставлен едой и выпивкой. Тут были и всевозможные консервы, от тушёнки до тунца, и маринованные овощи: огурцы, помидоры, капуста, как здешние, так и с Внешней Земли. А гвоздём пирушки стала здоровенная индейка. Полутораметровая местная тварь, с когтями длиной в палец на ногах и с клювом, который вполне может пробить голову человеку И конечно, три двухлитровые бутылки самогона зеленоватого цвета.

Рубец, хозяин городка и главарь ватаги трапперов, угощал. Я знал его давно, он ещё у отца в отделении служил, потом в трапперы подался. Шебутной мужик, охота ему стало никому не подчиняться да чудищ всяких ловить. Одно его самого чуть не словило. А бабы на него так и вешаются, несмотря на шрам ото лба до губы. Хотя в остальном выглядит он неплохо: нос прямой, подбородок как камень, волосы с проседью.

Рубец встал для тоста, остальные тоже стали подниматься, семь разведчиков и четверо трапперов, один остался сидеть с раненым.

– Ну чё, братва, – сказал Рубец, – у всех налито? Так, ну тогда выпьем. Витёк, за тебя, за твоих ребят. Ну вы молодцы, теперь я ваш должник, всем отплачу, и не деньгами.

Я опрокинул стакан зелёного самогона, закусил солёным помидорчиком, кинул в рот пучок квашеной капусты, а потом перегнулся через стол и ножом отмахнул мясистую голень индейки.

Настроение было отличное. Все трупы с поля боя унесли, их было двадцать семь. Сброю и оружие уже собрали. Всё достанется нам. И караулы выставлять не надо, Рубец сказал, что его ребята сами станут в дозор, не зря они на самогон не слишком налегают.

– Вот, мужики, бляха-муха, – начал разглагольствовать Рубец. – Что за житуха! Хотел же миномёт взять. Так нет, решил вместо него прикупить реактивы хранения. А ведь тема хорошая – у Васьки Рылова миномёт был, ну так, лёгкий, конечно, 50 мм, не больше.

– У Васи Рылова не миномёты, а говно с дырявой трубой, – вмешался Саша Заторный, – наёмники один взяли, так он на учениях взорвался. Ваське шкуру с поясницы содрали и за ноги повесили.

– Да ладно? – удивился Рубец.

– Правда, – сказал я, – как раз перед нашим выходом около ворот и повесили.

– Ну ни хрена себе! Всё-таки я везучий человек, – сделал вывод Рубец. – Так за это и выпьем. Вернее, за удачу, она, конечно, женщина-стерва, но нам, мужики, без неё никак. Мутно-зелёная жидкость потекла по кружкам, они стукнулись друг о друга и опустели.

– А как вы тут всемером остались? – спросил Коля главаря трапперов, дожёвывая крыло индейки.

– Ну такая ситуация, я же говорю, мне везёт. Мы Гмырха¹ взяли.

Семь удивлённых взглядов.

– Ну да, – продолжил Рубец, – то ли старый был, то ли больной, вылез прямо навстречу нашей ватаге. Здоровенный такой, на вид почти как бурундук, только размером с носорога, – хозяин городка сипло крякнул и кашлянул, показав зубы, – посмеялся то есть. – Мы его быстро завалили. Ну, значит, железу его, этот третий глаз, вырезали, потом гипоталамус, надпочечники – в общем, как полагается, разделали. А железы эти, они ведь чахнут прямо на глазах,

¹ *Гмырх* – животное, обитающее в Мире Колоний. Живёт под землёй, достигает размеров телёнка с Внешней Земли. На людей практически не нападает. Благодаря особой железе на лбу, так называемому третьему глазу, безошибочно находит пищу и чувствует врагов. Некоторые его органы обладают колоссальной ценностью, как в Мире Колоний, так и на Внешней Земле.

магия из них так и исходит. Плюс холодильник мой в подвале начал барахлить. Дизель-то, слава Богу, работает, а вот холодильник... Ну, в общем, собрал я двенадцать ребят и отправил с подводами в Городище. А тут семеро осталось. В принципе, достаточно.

– Мы заметили, – хохотнул Коля.

– А ты не скалься, у меня, между прочим, «Утёс» стоял, а сшибли его гранатомётом, двумя выстрелами.

За столом опять повисла мёртвая тишина.

– Да, – продолжил Рубец, – пока вы тут попой стулья протирали, мои ребята трупы осмотрели. Интересные на них татуировочки, ох интересные, похоже, это труженики Фактории. Ох, затрахаёт тебя контрразведка, Витёк, ох затрахаёт.

– Фактории отбрешутся, как всегда, я не я и хата не моя, – отмахнулся я. – А контрразведка в любом случае затрахаёт. Они только это и умеют, да ещё еду на дерьмо переводить. Ты лучше скажи, что там с гранатомётами?

– Да ничего не могу сказать. Началось с того, что связь пропала, я, каюсь, этого даже не заметил. А потом они, видать, что-то с нашим городским пулемётом начали чудить. У нас их вообще два: один ПК и «Утёс». На «Утёсе», понятно, чар навешано, каких только можно, но эти «факторцы» все равно решили его как-то вырубить, а маг наш, Юрка, это учуял. Он вдруг как на стену взбежит, что-то там расчёту сказал, пулемёт и заработал. Тут уж и я с остальными на стену поднялся, а по «Утёсу» два раза из гранатомётов выстрелили, и всё. Мага Юру, Фёдора Жигина напрочь снесло со стены, ещё Сергею Корчагина ранило. Потом вы появились.

Рубец опустил голову, замолчал, потом сказал:

– Ну, мужики, пардон, и дама, конечно, – главарь трапперов коротко кивнул Инге. – Третий тост. За тех, кто не с нами.

Он встал, остальные тоже.

– У тебя, Витя, с этим всё в порядке – все целы слава Богу. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить, – Рубец переложил кружку в левую руку и размашисто перекрестился. – Пусть так и будет дальше. А сейчас помянем тех, кто ушёл.

Все выпили, не чокаясь. Потом добили оставшиеся бутылки. Мы пошли спать, а трапперы остались на страже, пили они мало, пол-литра на брата – это смешная доза. Но я в любом случае был спокоен, на доме и стенах городка висели хорошие «сигналки», незаметно не подберёшься.

На следующее утро к нам должно было подъехать подкрепление: пол сотни наёмников из пришлых и девять трапперов Рубца. Забрать трофеи и узнать, откуда взялись налётчики. О происшествии сообщили в Западное городище и в Зелёный Город. Наёмники ожидалась не раньше полудня. А нам пока предстояла более интересная работа – сортировка трофеев. Оружие мы упаковали, чтобы взять с собой. Обувь я продал Рубцу по хорошей цене. А вот не слишком разбитую броню (у некоторых разбойников были стандартные бронежилеты, у других, как и у меня, панцири, стилизованные под старину) я тоже забрал с собой. Все трофеи я планировал сбыть купцу Николаю Петровичу Самохину, моему даже не другу, а, можно сказать, дяде.

А с амулетами маскировки вышел облом. Гаврик сказал, что, помимо защиты от чужого проникновения, они обладают очень полезной способностью отключаться только по приказу хозяина. Маскировочный амулет ведь не может проработать больше пятнадцати минут, а если его владелец погиб, значит, амулет проработает положенное время и благополучно перегорит. И никто другой (к примеру, победивший враг) его не сможет использовать.

Наёмники явились только к часу дня, пятьдесят восемь человек и семь подвод. Три из них были оборудованы как стандартные пулемётные точки: телега, запряжённая тройкой лошадей и по бортам обложенная мешками с песком, внутри которой расположены два пулемёта. Правда, в одной подводе вместо двух пулемётов был только один, зато двенадцатикалиберный «Утёс»,

брат того самого пулемёта, которого лишились трапперы. Остальные телеги предназначались для грузов.

Подразделение наёмников полчаса перетаскивало трупы нападавших из холодильника Рубца на подводы. Экономный траппер уже выключил дизель, и холодильник не работал. Над телами летали мухи, начал ощущаться запах. Не то чтобы он был способен перебить аппетит устроившим привал наемникам, но лично для меня эти насекомые и вонь – только дополнительная демаскировка.

Командующий группой усиления, чудаковатый лейтенант в мешковатой форме, наконец, объявил, что пора собираться в путь.

Я попрощался с Рубцом, тот обещал сам меня найти, когда сбудет свой товар. Мы обнялись, потом я быстро попрощался со всеми трапперами. Мои ребята тоже тепло расставались с трапперами. Хотя было время, когда мы, коренные, между собою не ладили, – в трапперы уходили те, кто стремился к большей независимости, в армии оставались те, кто хотел сохранить свой город. Но разлад быстро прошёл, схожесть работы и помощь друг другу очень роднят. Хотя мы, рейдеры-разведчики, всё равно круче.

Колонна наёмников построилась и вышла из городка, мы с ними.

Была одна вроде как приятная новость – наёмники приехали со своими «разведчиками». Десять человек, которые в трёх соснах заблудятся и о кусты споткнутся.

Поэтому теперь мы шли в середине колонны, перепрыгивая через конские яблоки. Нам оставалось надеяться, что впереди идущие «разведчики» не лоханутся и не подставят нас под пули. А моих разведчиков отказался ставить вперёд командир наёмников:

– Запрещен попусту рисковать. Приказ вышестоящего начальства.

Ишь, лейтенантишка хренов. Так, стоп, разозлился я что-то. С чего бы это? Наоборот, надо собраться.

Так я и шёл, поглядывая по сторонам и под ноги, стараясь не принохиваться к запаху из соседней телеги. К счастью, через десять километров лес закончился, мы вышли на открытую местность.

А запах – это такая штука, главное, привыкнуть и потом не обращаешь внимания. А от телег была двойная польза – в них удалось пристроить наши трофеи. До городища было тридцать километров хорошей дороги, я в одиночку, по ровному тракту, пробежал бы это расстояние за три часа с минутами, причем в полной выкладке и не сбив дыхание. А мы тащились целых пять часов. Лейтенант приказывал:

– Марш, бегом!

А потом командовал перейти на походный шаг. Эх, задохлики!

К Западному городищу подъехали уже в восьмом часу, в сумерках. Внешние стены городища возводились по стандартному плану, но опять-таки больше годились для защиты от нежити, зверья и людей уровня неандертальцев: деревянный частокол, почти полностью закрытый земляным валом, поверху которого вьётся колючая проволока, перед стеной – ров, перед ним опять колючка.

Верхушка частокола уже давно посерела от времени, хоть её и пропитывали специальными составами от гнили и огня. Да почти весь городок был серо-коричневым, кроме маковки колокольни, поблескивающей жёлтым в пробивающемся сквозь тучи свете восходящего месяца. Колокольня была пристроена рядом с небольшой церковью.

Колоколенка была крепкой и высокой, служила одновременно и наблюдательным пунктом. Именно отсюда и донесся тонкий размеренный звон, когда мы находились километрах в десяти от городища. Заметили, значит. Наша колонна, естественно, не скрывалась, шла мимо картофельных и хлебных полей, по осеннему времени уже перепаханных. Поля тоже были окружены колючей проволокой, а по углам и в середине заграждений стояли деревянные вышки.

Когда колонна подошла к воротам, перед ними уже убрали деревянные козлы, а меня заинтересовала одна деталь, которой не было, когда моя группа выходила из Городища полторы недели назад.

– Эй, приятель, а кто это висит у вас перед воротами? – спросил я у идущего передо мной наёмника, кивнув на висельника в незнакомой одежде. Собственно, поэтому он меня и заинтересовал. С другой стороны ворот стояла закованная в колодки женщина.

– А это, – махнул солдат, – батист.

– Кто?

– Ну батисты, религия такая. Этот то ли через Проход к нам попал, то ли уже в Колонии был обращён. Ну, в общем, пришёл он к нам и начал про свою веру заливать. Мы ему сначала хотели шкуру спустить, да батюшка Игорь сказал, что еретик и так в аду намучается. Ну взяли его да повесили.

– Интересные у вас дела, – хмыкнул я.

Причём, судя по речи и повадкам, мой собеседник был даже не из наёмников, а из ополчения. Хорошее нам подкрепление прислали, ничего не скажешь.

– Это что, – сказал солдат, – вон рядом баба висит. Так она, стервь, к неандертальцу бегала, который в колодках был. Беременная была, да скинула, ну а фельдшер наш сказала: ребенок – помесь человека с неандертальцем. Ну ей спину плетьюми отработали и уши отрезали. Хотели нос, да пожалели, баба всё-таки красивая. Ну повисит немного да отпустят.

А колокольный звон все лился над городом.

Солдаты проходили через ворота, над которыми нависали надвратные башенки с установленными внутри картечницами. Когда я оказался за частоколом, кое-как расправил складки маскхалата, более-менее привёл форму в порядок и перекрестился на маковку колокольни, как и остальные солдаты, кроме Инги. Она сначала накинула на голову капюшон.

Началась нудная процедура проверки: сухонький дьячок подходил к каждому и читал молитву, затем мы прикасались к сигнальному камню. Магический амулет. В присутствии дьяка неудобно было говорить. Магия... есть магия.

А на центральной площади нас встречало уже начальство города. Наёмники-ополченцы рассосались по казармам, лейтенант доложил начальнику гарнизона капитану Ивану Вахлакову и тоже испарился.

Рядом с капитаном стоял городской голова вместе со своим секретарём. Голова был толстым, щекастым человеком с редкими усиками. Кличка у него была Круг. Я сначала думал, что из-за его фигуры, но мне сказали, что он просто очень похож на какого-то известного певца с Внешней Земли. Правда, я связь не очень уловил.

Городской голова неожиданно сильным и красивым голосом пригласил нас на ужин в городскую управу, рядом стоящий капитан кивнул: мол, всё нормально, субординация соблюдена.

– Ну как мы можем отказаться от такого предложения, уважаемый городской голова, – ответил я.

Бойцы позади меня заухмылялись. На площади, кроме городского начальства, остались только мы.

– Только тяжёлое оружие оставьте в оружейной комнате, – пискнул тощий секретарь с гусиной шеей.

Голова покосился на него недовольно.

– Конечно, оставим, порядок прежде всего, – сказал я.

– Ну тогда автоматы в оружейную, потом в казармы принять душ и в городскую управу, – прохрипел капитан, почесав сломанный нос.

Что-то они задумали, размышлял я, стоя под струями тёплой воды, может, трофеи хотят перекупить. Хрен им, я своё добро отдам только Петровичу.

Где-то сбоку раздались громкий шлепок и хохот.

– Я тебе сейчас мошонку оторву, ублюдок, – крикнула Инга из душевой кабинки.

– Ну у тебя и фантазия! – голос Коли.

«Как дети малые», – подумал я, но вслух гаркнул:

– Замолчали быстро!

И в душевой наступила тишина.

Ужин в городской управе, конечно, отличался от того, каким нас угощали в городке трапперов.

Нас пригласили на второй этаж трёхэтажного здания, в просторную комнату, освещённую масляными лампами, с большим камином в углу, обложенным изразцами.

Я здесь до сих пор ни разу не бывал, всё больше – в бухгалтерию или к Кругу на третий этаж.

В зале нас собралось пятнадцать человек. Кроме городского начальства и капитана гарнизона, были ещё два офицера: Никита Пежихов и Руслан Гаджиев, батальонные командиры². Я с ними несколько раз в рейд ходил, нормальные ребята, не какие-то там задохлики.

Да, здешний стол отличался от того, что нам предлагал Рубец. Во-первых, никаких консервов, зато очень много молочных продуктов: сметана, сыр, творог.

Во-вторых, много выпечки: разных пирогов и хлеба. Хлеб, который пекли в Западном городище, считался самым вкусным. В-третьих, самое главное – парное мясо. Круг сказал, что солдаты вчера носорога завалили.

Ну еще огурцы, помидоры свежие, считай, с грядки. Осень, всего много. Были и фрукты – яблоки, моченые и свежие, и мандарины! Правда, мало и только дольками в твороге, но какая разница. Дорогое удовольствие.

И конечно, обязательные двухлитровые бутылки с жидкостью зеленоватого цвета.

– Ну что, разрешите, товарищ капитан? – спросил Гаджиев, доставая из-за пазухи связку палочек, похожих на бенгальские огни.

– Можно, – ответил начальник гарнизона.

Палочки быстро расставили на столе, подожгли. В комнате сразу повис приятный пряный запах. Мысли побежали быстрее. Стало весело.

В общем, вечер прошел хорошо: тосты, выпивка, закуска. Городской голова травил свои байки. Намекал, что у них много интересного товара. Намёки я проигнорировал.

Начальник гарнизона спросил, что отправляют через Проход в ближайшие дни. Я ответил, что точно не могу сказать. Пежихов и Гаджиев сетовали, что не хватает патронов и снарядов. Особенно для миномётов. Людей тоже не хватает – некого на вышки ставить поля охранять.

– А цены на уголь и торф опять выросли, – поддакивал им голова.

Они, что, меня за контрразведчика принимают?

Ну да ладно, мне же лучше, тем более с контрразведкой всё равно придётся пообщаться.

То ли после пятого, то ли после шестого тоста Коля Викинг грохнул жестяной кружкой об стол и затянул песню – настоящую скандинавскую балладу «Herr Mannelig». О троллихе, которая влюбилась в рыцаря и предлагает ему офигенные дары, лишь бы тот полюбил её и она смогла стать человеком. А рыцарь отказывается, потому что троллиха не носит креста. Я бы тоже отказался от женщины-троллихи, и отсутствие распятия было бы последним в списке

² Батальоны, о которых говорит Виктор, состоят из трёх рот по тридцать человек, вооруженных тремя пулемётами различного калибра и одним миномётом. Но состав может сильно колебаться.

причин. Но баллада действительно была красивая, и голос у Коли то что надо – сильный, чуть с хрипотцой.

Коля Викинг, или Коля Конунг, был действительно сыном конунга. Как-то один древне-скандинавский вождь из какого-то знатного рода решил отправиться в плавание и взять с собой шестилетнего сына, чтобы мальчик учился ратному делу. Корабли викингов отплыли от родных берегов и вскоре попали в туман, а когда туман рассеялся, они оказались в Мире Колоний.

Флотилия поднялась вверх по неизвестной реке, потеряла четверть хирда в бою с речными троллями и ещё треть у города Факторий, когда храбрые викинги, увидев хлипкие укрепления неизвестного городишка, вне себя от радости, стали растаскивать проволочные заграждения перед частоколом. По ним врезали картечью почти в упор – с тридцати метров.

Спустя два дня обстрел миномётов подошедшего подкрепления Факторий лишил викингов всех кораблей и самого конунга, но хирд сумел укрыться в лесу и ночью вырвался из окружения. А потом скандинавские воины прошли с боями больше трёхсот пятидесяти километров территории нашей Колонии. Дошло их меньше четверти от первоначального состава, но самое удивительное – среди них был шестилетний сын убитого конунга. С тех пор прошло тринадцать лет, Кьёрлав стал Колей, Николаем, белокурым парнем с яркими голубыми глазами. Он носил нательный крестик и свободно говорил по-русски. Но скандинавский не забыл и сейчас с удовольствием пел за столом, радуя своих друзей и соратников.

Я вдруг почувствовал, что слушаю балладу словно через вату. Комната начинала потихоньку кружиться.

– Так, тормози, – приказал я сам себе, – вечер только начался. – Действительно, на столе ещё осталось много закусок, которые я не попробовал.

Сквозь шум и гам застолья, перерастающего в попойку, слышались звонкие гитарные аккорды. Это Саша Заторный где-то раздобыл гитару. Желание есть пропало, сейчас что-то будет! Насколько Коля хорошо поёт, настолько Саша классно играет.

Аккорды слились в один раскатистый звон, Саша запел:

Думы мои – сумерки,

Думы – пролет окна,

Душу мою мутную

Вылакали почти до дна.

Пейте, гуляйте, вороны,

Нынче ваш день,

Нынче тело, да на все четыре стороны

Отпускает тень.

Вольному – воля,

Спасенному – боль.

Вот он я, посмотри, Господи,

И ересь моя вся со мной.

Посреди болот алмазные россыпи,

Глазами в облака да в трясину ногой.

Кровью запекаемся на золоте,

Ищем у воды прощенья небес,

А черти, знай, мутят воду в омуте,

И стало быть, ангелы где-то здесь.

Вольному – воля,

Спасенному – боль.

Но только в комнатах воздух приторный,

То ли молимся, то ли блюем.

Купола в России кроют корытами,

Чтобы реже вспоминалось о Нём.

А мы все продираемся к радуге

Мертвыми лесами да хлябью болот,

По краям да по самым по окраинам,

И куда еще нас бес занесет?

Вольному – воля,

Спасенному – боль.

Но только цепи золотые уже порваны,

Радости тебе, солнце мое!

Мы, такие чистые да гордые,

Пели о душе, да все плевали в нее.

Но наши отряды, ох, отборные,
И те, что нас любят, – все смотрят нам вслед,
Да только глядь на образа, а лики-то черные,
И обратной дороги нет.
Вольному – воля,

Спасенному – боль³.

Все замерли за столом. Я тоже молчал, я любил и не любил эту песню, она какая-то близкая, хоть и пришла к нам с Внешней Земли. Она что-то задевала в душе.

Потом были другие песни, уже самого Виктора Цоя: «Белый день», «Война» и «Группа крови» – негласный гимн разведчиков в нашей Колонии.

Слова били кувалдой по голове и прямо в душу.

Я уже порядком устал и не выдержал – спросил у головы, куда нас определили на постой. Тот честно пытался что-то сказать, но уже лыка не вязал, все объяснил его секретарь – на постоянный двор, прямо напротив управы.

Я попрощался со всеми, вышел на улицу. Над головой мерцал звёздный купол, голова гудела. Я заплетающейся походкой проковылял по пустой улице и ввалился в гостиницу. Хозяин вежливо показал, куда идти, даже попытался помочь дойти. Я оттолкнул его плечо и сам поднялся в комнату, плюхнулся на кровать и уснул. Сон мне приснился странный, будто кто-то смеётся, дразнит меня, и я должен его убить, но, кто это, я не вижу.

³ Песня «Сумерки» группы «Алиса».

3. Игла

Разбудил меня скрип. Кто-то приоткрыл дверь и вошёл в комнату. Впрочем, я уже догадался, кто это, – по очертаниям в просвете двери, по мягкости шага, по запаху.

– Ты меня видишь? – спросила она.

Я дважды сфокусировал и расфокусировал взгляд. Темнота отступила, сменилась серой пеленой, в которой через долю секунды проступила обстановка комнаты и силуэт девушки, пришедшей ко мне, черты ее лица, очертания рук, фигуры.

Инга подошла ко мне, держа две кружки в руках, поставила колено на край кровати, перекинула ногу на другую сторону и села мне на ноги.

– Оставил всех, командир, а мне скучно, – с этими словами она протянула мне жестяную кружку В ней было вино, хорошее вино, но с каким-то привкусом, наверняка лёгкий наркотик.

Инга, не дожидаясь ответа, поставила свою кружку на тумбочку у кровати и закатала правый рукав.

– Видишь? – спросила она.

Я видел: на внутренней стороне запястья были вытатуированы девять шрамов. Шрамы наверняка изображались красными, кровоточащими, но сейчас я не мог в этом убедиться – ночным зрением я не различал цветов. Но ещё недавно шрамов было семь.

– Мне их у трапперов набили, – сказала Инга и залпом выпила вино.

Инга, дочь офицера-артиллериста и мастера спорта по биатлону, с ранних лет училась стрелять. Но в Колониях снайперу мало метко стрелять, нужно ещё уметь *чувствовать*, куда надо стрелять. Только таким давали зачарованные по максимуму пули для СВД.

Инга в девятнадцать лет *чувствовала* так, что даже в густом тумане, когда не видишь дальше собственной руки, могла попасть в голову снежного человека. Или в полной темноте пробить защиту дробящего амулета.

Инга это умела делать и предпочитала, чтобы её называли «Игла».

– Красивые? – спросила она. – Твои татуировки мне тоже нравятся.

Я отхлебнул из кружки и поставил её на пол. Мои руки сами расстегнули пряжку ремня Инги, пуговицу. Молния разошлась сама. Я запустил руку вниз, проник за неуставные трусики.

Удивлённо-возмущённо-довольный взгляд.

Инга задвигала бёдрами и устроилась поудобнее на мне.

Моя левая рука нырнула ей под майку и, поглаживая живот, медленно поползла вверх, пока не достигла упругой груди. Я аккуратно коснулся соска, сжал его немного, прокрутил между пальцев. В темноте Инга улыбнулась. Она расплела косу, волосы рассыпались по плечам, наклонилась и поцеловала меня в губы.

– А руки уберу – жарко прошептала она мне, – давай с тебя тоже майку...

Она чуть привстала, скинула свою майку, потом схватилась за мою. Через две секунды мы были уже без одежды, и Инга, выгнувшись так, что её грудь смотрела чуть ли не в потолок, мерно раскачивалась на мне. Я сжал её бёдра, притянул её к себе, целовал грудь, шею, губы. Ласкал, наслаждаясь её телом.

Инга откинулась на моих руках, застонала, я бросил её на спину, приподнялся на левой руке, правую опустил ниже. Инга застонала громче, я начал двигаться ещё быстрее, ещё. Инга уже кричала, изгибалась в такт мне. Ещё толчок, ещё. Вскрик! И кайф, растекающийся по всему телу...

– Надеюсь, твоя сестра не будет против, она красивая, – прошептала Инга мне в ухо прерывистым голосом.

– Нет, ты ей тоже нравишься, – ответил я.

В следующий раз разбудил меня металлический лязг, еле слышный, но способный поднять целый полк, быстрее чем команда: «Тревога!»

Я открыл глаза и увидел Ингу. Она сидела на кровати и вертела в руках мой «стечкин», который я взял с собой в город. Уже рассвело, и свет лился в окно. Ночь прошла очень неплохо. Вид у Инги был как у кошки, объевшейся сметаной, – нет, скорее, как у львицы, налакавшейся крови.

– Ты посмотри, какая красота, какая мощь, какая изящная сила! – сказала она, глядя на пистолет. – Откуда он у тебя?

– От отца остался.

– Красивая вещь, наверное, замучаешься к нему запчасти искать, если что.

– Не знаю, ещё ничего не менял, – ответил я.

– Ничего себе! – искренне удивилась она.

Инга скрестила руки над головой, вытянулась, улыбнулась, голая, красивая. Она окинула меня плотоядным взглядом. Потом положила пистолет на тумбочку и легла на меня, куснула за ухо, поцеловала в губы, сказала:

– У тебя очень красивые татуировки. Эффектные. Тебе идёт. Как ты их выбрал?

Мои запястья опоясывают татуировки в виде красно-жёлтых языков пламени, такие же есть и на ногах, чуть выше лодыжек. Почему я выбрал такой рисунок – сложный вопрос, сначала решил, что это будет просто неплохо отвлекать внимание противника на татами боя.

– Долгая история, Инга.

– Ну расскажи, мне интересно, – попросила девушка.

– Времени нет. Иди, собирайся, выход скоро.

Снайперша фыркнула, слезла с меня. Нагнулась поднять брюки и, кокетливо вращая попкой, натянула их.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант, – с вызовом ответила Инга, на ходу надевая майку, и вышла из комнаты.

Я посмотрел на часы – без пяти десять. И правда, скоро надо выходить. В углу, у двери, кто-то заботливо сложил мою сбрую. Надо же, какие тут порядки! Броню и разгрузку я оставил в казармах, когда сдавал в оружейную комнату автомат.

Теперь надо встать и размяться. Лёгкий разминочный комплекс: сначала дыхание, растяжка, потом отжаться на кулаках. Семьдесят пять раз за минуту, ну так только, чтобы кровь разогнать. Но это всё только для мышц и тела.

Я встал прямо, закрыл глаза: руки по швам, ладони чуть приподняты, пальцы растопырены. Сначала надо успокоить мысли и прислушаться к ощущениям внутри. Как учили: первое, что надо почувствовать, – это ритм сердца. Оно задаёт ритм всему организму и сильнее всего связано с разумом и не только с ним. . .

Сперва я почувствовал лёгкую тяжесть в предплечье, но не ту, что возникает от нагрузки. Значит, всё идёт как надо. Легкое покалывание начало ощущаться в кончиках пальцев, затем в основании ладоней. Слабое жжение появилось на месте моих огненных татуировок. И, наконец, я смог ощутить движение потоков энергии, текущих в теле по разным направлениям. То, что надо!

Я начал разгонять ритм сердца, участил дыхание, потоки энергии чуточку изменились. Босые ступни будто липли к приятно деревянным нагретым солнечными лучами доскам пола. И вдруг – ррра-а-з!!!

Моё тело само сделало лёгкий толчок вперёд. Прыжок. Переворот в воздухе через голову. Ноги гасят удар об пол, делают неслышным приземление. И снова повторить. И ещё раз. Я открыл глаза, вытянулся в воздухе и упал на вытянутые руки. Раз! Отжаться на пальцах! Хло-

пок ладонями! Два раза отжаться, два хлопка. И так до пяти. После пятого хлопка резкий рывок. Встать в боевую стойку и нанести серию ударов по невидимому противнику.

– Тоё! – Этим криком я и завершил упражнение.

Теперь всё нормально. Теперь я в тонусе.

Одевшись, я вышел из комнаты и крикнул хозяину гостиницы внизу:

– Эй, начальник, вода в душе есть?

– Не успели согреть, товарищ лейтенант. Можете подождать минут десять? – ответил тот заискивающим тоном, под стать его толстой фигуре.

– К бесам, ведро воды налейте и поставьте в душе.

Вниз я спустился, как положено, по лестнице, подавив желание съехать по перилам, и оказался в просторном зале, где размещался стол регистрации постояльцев, за которым стоял хозяин гостиницы. Справа от него располагался вход в столовую, где как раз кто-то завтракал. Слева – дверь в общий душ. В душе я разделся, взял ведро ледяной воды и опрокинул на себя.

– Аххрр! Хор-ррошо!

Быстро вытерся и поднялся к себе. По пути узнал у хозяина гостиницы, что все мои разведчики, кроме старшего сержанта Инги Лошкарёвой, ночевали в городской управе.

Я попросил передать им с посыльным, чтобы готовились к выходу. За своих парней я был спокоен, они взрослые мальчики, знают что, когда и сколько можно пить.

Через пять минут я уже покинул двор гостиницы и направился бодрой рысцой к зданию городской управы. Оно находилось совсем рядом, буквально в пятидесяти шагах. Вообще в Западном городище важные учреждения: городская управа, казармы, оружейная комната – располагались на солидном расстоянии друг от друга, образуя главную площадь Западного городища. А вообще, улочки тут были узкими, вымощенными деревом. Зимой по ним можно было пройти только с лопатой для уборки снега.

4. Марафон

У городской управы я сразу заметил моих разведчиков в полном составе, Инга присо-единилась к ним раньше меня. Рядом с ними стоял Руслан Гаджиев.

Я как раз подходил, когда до меня донёлся голос Коли Викинга:

– Как вечер прошёл, Игла? – спросил он.

Девушка показала ему средний палец. Коля захохотал. Он и мне тоже что-то в таком роде хотел сказать. Но, посмотрев на меня, передумал и просто поздоровался.

Ко мне подошёл Гаджиев.

– Слушай, Витя, я не могу с тобой отправить полторы роты. Тем более вы в марафон идете. Я дам вам подводу с одним пулеметом и десять бойцов, проверенных, из нашего городища, темп выдержат, но сопровождают только до тридцатого километра. Там у блокпоста тебя встретят другие бойцы. Договорились?

– Да не вопрос, Руслан, когда они готовы будут?

– Мне уже по связи начальство скомандовало: чем быстрее, тем лучше. Бойцы уже ждут.

– Ну тогда завтракаем и вперёд.

– Так уже всё стынет в столовой, а никого блевать, что ли, не тянет после вчерашнего?

– Ты нас за кого принимаешь? – спросил Боря.

Все заржали.

Завтрак в столовой гарнизона – то что нужно перед суровым марш-броском – пустые макароны. После завтрака, проверки снаряжения и чистки оружия группа отправилась в путь. Дорога вела прямо к воротам, она была достаточно широкая, чтобы по ней мог проехать трактор. Несмотря на мирный вид центральной улицы, окна домов были похожи на бойницы. Я был уверен, что под деревянной мостовой установлены мины без взрывателей, которые можно привести в боевое положение в любой момент.

У ворот нас уже ждала команда сопровождения: десять наемников и подвода с расчётом пулемёта и возничим. Командир роты кратко представился:

– Лейтенант Васильев.

Со стены укреплений за нами наблюдали бойцы, вооружённые автоматами, самодельными дробовиками и даже арбалетами.

– Что, все готовы? – поинтересовался я больше у лейтенанта, чем у своих.

Получив утвердительный ответ, я приказал караулу открыть створки. Меня по негласному приказу Гаджиева признали старшим отряда. Ладно, не впервой.

Ворота проскрипели, раздвинулись, стоящий тут же дьячок прочитал молитву и перекрестил нас. Мы пошли в сторону восходящего солнца.

Впереди пять человек из роты Васильева, за ними моя группа в стандартном порядке, замыкающие из роты Васильева, посередине пулемётная подвода.

Я обернулся, поглядел на золотистую маковку колокольни, мысленно перекрестился, в руках был автомат.

– Ну что, поехали? – вздохнул я и начал набирать темп.

Быстрый бег, удары подошв о землю, стук сердца, правильное дыхание, правильные движения тела.

Мы бежали по хорошей грунтовой дороге, всё ещё по территории, контролируемой Западным городищем. Вокруг километров на три – пять тянулись поля, на одном из них, жутко тарахтя, работал трактор на торфяном топливе.

Быстрый бег, стук сердца, правильное дыхание, правильные движения.

По хорошей грунтовой дороге можно держать высокий темп бега не один час. До столицы Колонии – Зелёного Города, по прямой – около сорока километров, по дороге – сорок два.

Марафонская дистанция, как говорят на Внешней Земле.

В идеале каждый боец колонии должен пробежать этот отрезок за один переход. Но, увы, на практике далеко не все на это способны. Я могу со всей амуницией. Боря – нет, ему приходится помогать. Но сегодня весь путь мы бежать не будем.

Быстрый бег, стук сердца, правильные движения, правильное дыхание. Минус пятнадцать километров. В горле пересохло. Взять фляжку, промочить горло.

По пути степь сменяла лес, и наоборот. За много лет, пока осваивали земли к западу от Зелёного Города, весь лес вдоль дороги был вырублен на сто метров от обочины, лесные участки тракта были по возможности заминированы и патрулировались. Примерно четверть рейдов моей группы приходилось на патруль отрезков дороги в лесной зоне, на большее не хватало ни сил, ни времени.

И всё равно нападения на караваны происходили едва ли не каждый месяц, как правило, нападала тупая нечисть. Хотя нечисть тоже бывает разная. Бывает совершенно безмозглая, а бывает вполне разумная и чрезвычайно опасная. Районы на территории Колонии, где водились особенно опасные твари, были полностью зачищены несколько лет назад. По дорогам теперь рыскают мелкие, но особо бешеные особи нечисти.

Быстрый бег, стук сердца, правильные движения, правильное дыхание.

Но лес лесу рознь, как и степь степи. На полпути к Зелёному Городу тракт проходит сквозь высокую, в рост человека, траву, выросшую на нераспаханном чернозёме. Потом начинается Бесова Прорва: зона причудливых, переплетённых между собой сосен и елей. Шириной она не более трёх километров, но тянется с севера на юг километров на восемьдесят. Вырубить этот переплетённый, изуродованный лес было невероятно трудно – между стволами едва мог протиснуться даже ребёнок. Поэтому Прорву просто обтянули проволокой, на пять километров в обе стороны от тракта, и наставили вокруг кучу магических сигналок.

Бесову Прорву сменила низкая, по щиколотку, щётка рыжеватой травы. Такой ржавый ковёр устилал землю вокруг на многие километры. В ста метрах от обочины я заметил следы носорога. Может быть, того самого, которым нас вчера угощали у Круга.

Быстрый бег, стук сердца, правильные движения, правильное дыхание.

А впереди, примерно в двадцати километрах, виднелась полоса обычного лиственного леса. Рубеж.

От блокпоста до Зелёного Города примерно пятнадцать километров. На востоке уже видна дымящаяся труба ТЭЦ. За моей спиной уверенно бежал Гаврик, неся патронную сумку Бори. Нет, нам, конечно, легче бегать, чем бойцам с Внешней Земли. Те обвешиваются гранатами и запасными магазинами, как отец рассказывал. А у нас вечный дефицит всего и вся – вот и бегаем налегке. И при этом мы разведчики-рейдеры. Элита. Я, например, получаю в полтора раза больше пехотного капитана. Хорошо ещё, что Администрации Города не пришла идея вооружить нас каменными топорами и копьями, как у вероятного противника.

Быстрый бег, стук сердца, правильные движения, правильное дыхание. До блокпоста сто метров. Мы останавливаемся, выстраиваемся плотной толпой, превращаясь в цель-мечту для пулемётчика. Взгляд на часы, мы бежали чуть больше двух с половиной часов, неплохое время, но в следующий раз надо постараться улучшить.

Вперёд выходим я и Васильев. Направляемся к блокпосту, крепкому сооружению из толстых брёвен с четырьмя амбразурами. Дорогу перегораживает деревянный шлагбаум. По

бокам от него два солдата и офицер. Хмурые какие-то, невыспавшиеся. А за шлагбаумом две телеги – наше временное транспортное средство.

Снова рутинная процедура проверки, моя группа проходит мимо шлагбаума, а рота Васильева отправляется обратно.

Впереди – десять километров относительно лёгкой дороги. Теперь пятеро моих разведчиков сидят на телегах, а двое бегут сбоку и осматривают окрестности. Я бегу в первой очереди, поглядывая по сторонам на редкие заросли деревьев с ещё не облетевшей листвой. Скоро дом.

За пять километров до Зеленого Города опять начинаются возделанные поля, на них работают люди. Теперь уже никто не бежит, все сидят на повозках, но окрестности всё равно внимательно осматриваем, мало ли.

Наконец, показалась стена столицы Колонии. Да, это не забор трапперов и не частокол Западного городища. Даже смотреть приятно – какое-то ощущение безопасности и уверенности исходит от этого укрепления.

Сначала ряды колючей проволоки, за ними ров, потом двухметровый вал и четырёхметровая стена частокола с проделанными бойницами, по которой тоже тянется колючая проволока.

А частокол столицы нашей Колонии – О-о! – это настоящая непробиваемая стена. Два ряда брёвен высотой четыре метра, слой земли между ними, с тыла поднимается ещё одна стена, таким же образом построенная, для защиты от снарядов, перелетевших через укрепления. Внутри стен – помещения на трех уровнях, один из них подземный, сообщающийся с дотами и дзотами.

Доты, которые разделяют крепостной вал на равные части, выдвинуты вперед к самому рву, амбразуры находятся впереди и по бокам, для того чтобы вести огонь не только по фронту, но и по тем, кто прорвётся к стенам. Всё это присыпано песком, на котором давно растёт зеленая трава, правда сейчас уже пожухлая по осеннему времени. Из-за этой травы, что покрывает укрепления ровным слоем, и называют столицу нашей Колонии – Зелёным Городом.

В общем, передо мной был дом родной, надёжный и несокрушимый, которому сердце радуется.

Перед воротами находился ров, через который был перекинут подвесной мост. У моста стража, семь человек. И я знаю, кто среди них старший.

– Здорово, Антоха! – крикнул я издали.

– Привет, Витёк, вернулись, значит, без потерь, – ответил один из бойцов, тот, что стоял ближе всех к проверочной коробке у ворот.

– Как видишь, – ответил я, подходя ближе.

Антон показал мне ствол автомата на металлическую коробку в рост человека, возле которой стоял. Я молча зашёл в неё. Позиция удобная, но для Антона: случись со мной какая-нибудь метаморфоза, от его очереди мне не вернуться, а на стене пара пулемётчиков держит под прицелом всю группу. Но со мной было всё в порядке: не выпали волосы, не пошла пена изо рта, я ни на кого не бросился.

– Слава Богу. Тебя, кстати, уже полдня дожидаются. Распоряжение пришло, вроде как от самого Илларионыча.

– Хреново, бумагу заставят портить.

– Ничего. Зато вы трофеи привезли, я вижу.

Мои бойцы как раз сгружали с телеги сумки с оружием.

– Ага, досмотришь? – спросил я.

– На фиг, – отмахнулся Антон, – только ты потом все как было расскажешь.

– Договорились, – сказал я и хлопнул его по плечу, а он обозначил удар в печень.

Антон, хоть и на полголовы ниже меня, боец не из последних. Да и магию хорошо чувствует.

Мои бойцы разгрузили трофеи и тоже по очереди зашли в будку. Ворота открылись. Коля и Саша о чём-то договаривались с Антоном, Гаврик беседовал с магом из сторожевого отделения. Боря и Салим подхватили сумки с трофеями. Инга, элегантно обхватив свою винтовку, огляделась вокруг и двинулась к воротам.

Антон с Колей и Сашей рассмеялись. Я поглядел на часы: на весь маршрут ушло четыре с половиной часа, нормальное время.

– Ну бывай, Антон, – сказал я, – ты сегодня весь день в карауле?

– Да, тогда завтра встретимся?

– Если я прямо завтра поднимусь, после отдыха, – пошутил я.

– Ха... Ну тогда увидимся в бане, туда точно придёшь отмокать.

– Можно. Главное, чтобы я тебя там узнал.

– Это уже как карта ляжет, – сказал Антон и засмеялся.

– Тогда удачи, – ответил я.

– Спасибо, тебе тоже.

Я огляделся по сторонам и не спеша (тело после марш-броска было еще горячим, но расслабленным) пошёл к распахнутым створкам. А Антон с подчинёнными остался на посту.

Сразу за воротами когда-то давно, ещё во времена Внешней Земли, находился парк. Потом деревья вырубали на дрова и частокол, и от них остались только пеньки. За парком, в двухстах метрах от стены, размещались казематы с миномётами, оборудованные из небольших деревянных домиков, построенных тоже ещё на Внешней Земле. Стены и крыши домиков разобрали, а неглубокие подвалы сгодились для миномётных позиций. Но нам не туда, а в оперативный штаб гарнизона, который располагается в одном из двух приземистых зданий, сразу за казематами.

Два когда-то четырнадцатизэтажных дома были разобраны до второго этажа, а их блоки пущены на перекрытия дотов.

В доме справа размещалась база дежурного батальона, а также склад. Там мои бойцы сдадут трофеи, которые потом перевезут на главный городской склад. Там же они переоденутся, оставят тяжёлый огнестрел и отправятся на заслуженный отдых. А вот мне предстоит провести несколько нудных часов в левом здании – оперативном штабе, где мне придется доказывать, что не зря потратил патроны, выданные на выполнение задания.

– Ну что, командир, – спросил Саша Заторный, – пора расходиться?

– Пора, – ответил я.

– Ты в «Спираль» пойдёшь, когда освободишься? – спросил Коля.

– Не знаю, может быть, зависит от того, как пойдёт, – сказал я, кивнув на штаб.

– Если что, ты знаешь, как нас найти, – сказал Заторный.

– Ага, по грохоту и крикам, – пошутил Коля.

Все засмеялись.

– Счастливо, командир, – пробасил Боря.

– Удачи, – пожелал Гаврик вместе с Салимом.

– Дай там разведке жару, – напутствовал Коля.

– Давай, удачи! – сказал Саша.

Я всем пожал на прощание руки.

Последней попрощалась Инга.

– До встречи, – коротко сказала она и двинулась за остальными.

«Ох, шустрая ты девочка, не по рангу. Интересно, тебя Коля сегодня утешит или ты на меня ещё надеешься?» – подумал я, вздохнул и направился в штаб.

5. Зелёный Город

4

– Значит, вы утверждаете, что решили повернуть к зимовке охотничьей компании Николая Рубанова, чтобы сократить маршрут? – спросил меня молодой контрразведчик в отглаженной форме, с тугим воротником на тонкой шее.

– Да, – ответил я.

– Вы раньше проходили по этому маршруту?

– Конкретно по этому не ходил, свою зимовку Рубец, то есть Николай Рубанов, поставил только полтора года назад.

– А почему вы были уверены, что не напоретесь на труднопроходимую местность или болото? – осведомился тонкошейей следователь.

– У меня была карта. В любом случае, мне надо было сделать круг по лесу западнее Западного городища, так что я решил рискнуть. Хотя риск был минимален.

– Но тем не менее вы пишете, – следователь заглянул в мой рапорт, – что карта не во всем соответствовала местности.

– Несоответствия были минимальными. И я знаю, как определить, что рядом находится болото, так что в случае необходимости мог повернуть группу обратно. Если вы это имеете в виду.

Следователь задумчиво кивнул.

– А вы проверили маршрут, по которому шли бандиты? – спросил он.

– Нет, на это не было времени.

– Но насколько мне известно, бойцы из подкрепления, подошедшего на следующий день, пробовали пройти по следам напавших на зимовку, чтобы выяснить, с какой стороны они пришли.

– Моей группе нужен был отдых, – ответил я.

«И что он мне в вину ставит, бумагомарака хренов?» – со злостью подумал я.

Я уже около часа сидел в этом... хм... кабинете, чтобы не сказать допросной камере. Хорошо, хоть успел пообедать в столовой после составления рапорта и только потом пошел на «беседу для уточнения деталей».

Тут открылась дверь в комнату. Следователь встал, я тоже.

Вошёл полковник Олег Степанович Зубарёв, правая рука начальника всея Разведки Иллариона Илларионовича, немолодой уже человек с короткой армейской стрижкой, но крепкий, высокий, со строевой выправкой.

– Можешь идти, – велел полковник следователю.

Тот, ни слова не говоря, поднялся и вышел.

– Здравствуй, Виктор, садись, – сказал Олег Степанович, присев за стол.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – ответил я.

– Оставь, – он махнул рукой, – у меня к тебе доверительный разговор. Надолго не задержу. Ты же устал после рейда?

– Есть немного.

– Это естественно. Так вот, я просмотрел рапорты твоих ребят, – каждый из нас написал рапорт о рейде ещё в Западном городище, но особое удовольствие личного общения с контрразведкой досталось только мне, как командиру группы. – И у меня есть к тебе пара вопросов.

– Слушаю, – ответил я уныло.

– Первый. Как ты оцениваешь боевые качества напавших на городок трапперов?

Полковник положил на стол папку, вытащил из нее лист бумаги, ручку и что-то написал.

⁴ Полное название государственного образования, которому служат разведчики, – Колония Зелёный Город. Поэтому здесь Колония – это часть названия государства, синоним слова «страна».

А я задумался, и надолго. Олег Степанович меня не торопил, читал записи, сделанные следователем. На меня даже не смотрел.

– Выше среднего, – наконец ответил я. – Выше наших наёмников, но ненамного. Возможно, это и были наёмники, недавно прошедшие спецподготовку. Стреляют хорошо, но... ну не лесные они люди. Лесной охотник, он тоже, бывает, лопухнётся, но не так, как они. Может, у них проколы были, но когда мы нашли шоколадную обёртку, то сразу след взяли и больше ничего особо искать не стали. Это моё мнение, товарищ полковник.

– Понятно, – кивнул он и что-то черкнул на листе. – А саму идею нападения как оцениваешь?

– Идея неплохая, да и лежит на поверхности. Наши западные городки начали строиться только десять лет назад, заточены на оборону от нечисти и зверья. Но только после нападения маршрут у них получился бы слишком длинный. Возвращаться с добычей неудобно. Значит...

– Что? – спросил полковник и уставился на меня немигающим взглядом из-под бровей.

– Значит, либо где-то недалеко у них есть перевалочный пункт или схрон, где они хотели переждать облаву, а потом выйти в поход и обойти наши восточные и южные заставы. Но это рискованно, потому что трапперы в любой момент могут обнаружить следы чужих, да и нечисть может напасть. Либо это был отвлекающий манёвр, – ответил я, слегка стушевавшись.

Полковник довольно покивал головой.

– Вот видишь, Виктор, у нас с тобой мысли сходятся. О возможном существовании форпостов Фактории в Западных лесах и докладывал Илларион Илларионович вчера Администрации. Есть сведения, что Фактории формируют подразделение рейдеров-диверсантов и перебрасывают их через южные степи к нашим западным границам.

– У умных людей мысли всегда сходятся, – поддакнул я – от скромности мне не умереть. – Но, может, объясните тогда, к чему всё это приведёт? По вашему мнению.

Зубарёв улыбнулся, так снисходительно и покровительственно.

– Необходимо перебросить крупные силы на юго-запад и провести серьёзную зачистку тамошних лесов. Это потребует много сил и времени, а гражданские префекты, как всегда, не хотят передавать лишние полномочия военным.

– Операция планируется после Прохода?

– Нет, надеюсь отправить подразделения в ближайшее время.

– Но ведь тогда в Городе совсем не останется войск?

– Не вижу в этом ничего страшного.

Слова полковника мне не слишком понравились, в них прозвучало какое-то наплевательство. Ну да и ладно, полковник Разведки мастерски сбил меня с мысли, увёл разговор в другую сторону. Я всё-таки решил использовать момент и продолжить интересующую меня тему.

– Олег Степанович, – обратился я к нему, глядя прямо в глаза, – я всё-таки вас не совсем об этом спрашивал. Я просил обрисовать ситуацию в целом. Что всё это значит?

Полковник снова улыбнулся, на этот раз снисходительно.

– Это значит, что в этой ситуации нет ничего хорошего.

– Война?! – спросил я, чувствуя, как пульс начинает учащаться.

Олег Степанович опустил глаза, подумал немного.

– Начало войны определяется многими факторами. Некоторые из них от нас не зависят, некоторые наоборот. И одним из факторов, благодаря которому угроза войны отступила, был как раз бой у зимовки трапперов. И за это тебе, лейтенант Виктор Александрович Ахромеев, Администрация Колонии выносит благодарность. Подожди пока, не благодари. Официальная церемония впереди. У меня к тебе есть ещё вопрос. По-твоему, как далеко ушли неандертальцы?

– Ну километров на сто, не меньше.

– Да, значит, как и ожидалось, придётся зимние облавы ещё дальше устраивать, – сказал Олег Степанович как будто задумчиво.

Я уверенно кивнул. Мол, нормально, товарищ полковник, куда родное командование пошлёт, туда с радостью и пойдём. Но вряд ли Олег Степанович купился на такой дешёвый трюк. Впрочем, без разницы.

– Ну что ж, тогда у меня вопросов к тебе больше нет. Можешь идти, вот пропуск возьми.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – ответил я, вставая из-за стола.

– Удачи, если что, в «Спирали» твоя сестра сегодня поёт, в 23:00.

Я с улыбкой поблагодарил полковника за совет. Хотя в какой-то момент у меня возникло большое желание проломить ему голову. Намеряет, сволочь, мол, ты у нас под контролем, «если что». Ладно, к бесу всё.

Я быстро поднялся по ступенькам из подвала штаба, на выходе показал дежурному пропуск – серый клочок бумаги с подписью полковника. Дежурный кивнул, отдал честь и приказал, чтобы мне вернули «стечкин» и автомат. Свою броню я заранее отдал Заторному, чтобы тот закинул в мой ящик в казарменной раздевалке.

Расписавшись за оружие в журнале – мерзком создании, в котором строки налазили друг на друга (экономия бумаги, мать её!), – я вышел на улицу.

Свежий ветер приятно охлаждал голову и трепал волосы. На небе висел месяц, мерцали россыпи звёзд, часы показывали 20:37.

– Удачи, – сказал дежурный.

– Спасибо, – ответил я, – тебе тоже.

И направился в оружейную комнату в соседнем здании. Возвращалось на склад только оружие, выданное военной префектурой. Я должен был вернуть свои гранаты и автомат, хотя он, конечно, был закреплён исключительно за мной и собственноручно пристрелян. Я сдал казённое оружие прапорщику с красными глазами, расписался, где надо, на ходу сунул в специальную кобуру на поясе личный «стечкин» и быстро вышел из оружейной. Не терпелось покончить со всеми делами.

Пройдя метров сто мимо заброшенного пустыря и частично разобранных зданий, я зашёл в казарму, вяло кивнув дневальному. На Внешней Земле это был большой спорткомплекс с двумя бассейнами, баскетбольной площадкой и множеством разных помещений. Теперь в бассейнах хранится картошка и другие овощи, а на баскетбольной площадке стоят двухъярусные койки. Хотя мы ещё сопляками пробовали играть в баскетбол, но на улице, а не на площадке. Правда, потом отец объяснил мне, что мы играем скорее в регби, чем в баскетбол, но какая разница, главное – спортивный дух.

А вот раздевалка спорткомплекса сохранилась и использовалась по прямому назначению, как и душевая, в которой всегда была тёплая вода.

В самой душевой, кроме меня, никого не было. Смыв с себя пот и грязь после марафона, я ещё чуть-чуть постоял, нежась под струями воды, и нехотя закрыл кран. Затем вытерся, подхватил одежду с берцами и босиком пошёл в соседнюю раздевалку. Под потолком слабо горели несколько лампочек. Вдоль стен – ряды железных шкафчиков, некоторые приоткрыты, здесь не воруют. Мой – самый дальний, почти у окна, закрытого деревянными ставнями.

Шкафчик Саша запер, код он, конечно, знал. Внутри лежал мой панцирь, аккуратно сложенный, и записка с учетным номером, под которым отправят на главный склад мою долю трофеев. Я переоделся. Натянул старые джинсы, майку с длинными рукавами, накинул «гражданскую» куртку. Сразу будто струна ослабла внутри. Панцирь оставил в раздевалке, честно говоря, лень было тащить домой. Тем более с ним, тьфу-тьфу-тьфу, всё было в порядке. Разгрузку тоже оставил, а вот плащ-накидку и остальные вещи решил всё-таки взять. Хотя они и казённые, а следить за ними надо и лучше не доводить до состояния, когда появится демаскирующий запах.

Все свои вещи я побросал в широкую квадратную сумку, перекинул её через плечо и двинулся к выходу. При себе у меня была красная корочка – удостоверение лейтенанта Разведки и «Силуэт». Он числится собственностью военной части, но заряжаю я его на свои собственные деньги. Берцы, конечно, тоже забрал, обувь – моя собственность. Слежу за ней, как могу, может, даже больше, чем за панцирем. Тем более их цена близка к броне средней работы. Лёгкие, на толстой и крепкой подошве, со вставками из непромокающей искусственной кожи, с укрепленным носком. Вещь!

Из раздевалки я протопал мимо сонного дневального прямо на улицу. Сама военная часть занимает немалую территорию, но большая часть строений уже давно была разобрана, а стройматериалы пущены на другие нужды. Сразу за спорткомплексом начинался большой жилой квартал. Самое внушительное здание, построенное буквой «П», уже почти развалилось, от буквы осталась только верхняя «перекладина». В прошлом году часть дома пришлось взорвать, и рабочие потом еще неделю собирали строительный кирпич. А прямо за «перекладной» находился КПП.

Я свернул с тропинки, обегавшей здание «П», пропрыгал наперерез по оставшемуся фундаменту, битому кирпичу и водосточным трубам и вышел напрямую к КПП. Двое солдат и офицер из наёмников глянули на моё удостоверение и сразу пропустили, даже сумку не досмотрели. На незарегистрированный магический предмет энергетическая сигналка КПП всё равно бы сработала, а остальное дежурных не касается.

На улице меня сразу обдало сильным ветром, за спиной щелкнули железные ворота.

Я медленно вдохнул воздух, посмотрел на небо. Звёзд почти не было видно из-за света месяца. Настроение было хорошее, мысли о предстоящем отдыхе придавали сил. Но сначала надо привести себя в порядок.

От военной части до Центра Зеленого Города протянулась идеально прямая улица с отличной заасфальтированной дорогой. Она была неплохо видна в свете месяца. На ней сейчас редкие дворники убирали редкие конские яблоки. Вдоль улицы выстроились крепкие пятиэтажки, построенные ещё на Внешней Земле задолго до Прорыва. Западная улица – настоящий жилой квартал, каких немного в нашей Колонии (но, говорят, на Внешней Земле их невероятное количество), только на ней одной живёт больше пяти с половиной тысяч человек, почти четверть населения Зелёного Города. Примерно над каждым третьим окном торчала железная труба буржуйки или кухонной вытяжки.

В некоторых окнах горел свет, но тёмных углов оставалось предостаточно, я пристроился в одном из них, положил сумку на землю, сложил руки вместе перед собой и глубоко вдохнул.

Затем, как меня учили, опустил руки вниз, разомкнул, резко выдохнул. Снова повторил цикл. Активность и спокойствие, резкость и неторопливость. Внутреннее равновесие. Успокоить тело, убедить разум, что враги не за каждым домом, война там, за воротами, в Городе⁵ другая жизнь. Превратить ослабшее внутри напряжение в сжатую пружину, которая может в любой момент распрямиться с огромной силой. Но только в случае необходимости.

Я резко развёл руки в стороны, выдохнул, встряхнул ладони. Тело расслабилось, эмоции улеглись, теперь можно идти дальше. Я поднял сумку и лёгкой, разболтанной походкой продолжил путь. Часы показывали 22:17. Отлично. В «Спираль» успеваю. Хорошо идти, когда на плечи не давит груз снаряжения, а ноги не должны чувствовать каждую ветку и камешек, на который наступают. Кайф!

– Можно и пробежаться, – подумал я и перешёл на лёгкий бег.

⁵ Поскольку Зелёный Город является самым крупным поселением Колонии, то его часто просто называют Городом, все и так понимают, о чём речь. По аналогии: Санкт-Петербург – Петербург.

В «Спираль» я немного опоздал, надо было сделать крюк, чтобы забросить сумку с вещами домой. Чем ближе я подходил к дому, а он расположен недалеко от Центра, тем ярче становилось освещение улиц и чаще стали встречаться люди, снующие туда-сюда в свете фонарей. Мне даже пришлось помахать своим удостоверением перед двумя милицейскими. Те, видимо, захотели проявить бдительность или показать свою власть, но, увидев красную корочку, стушевались, отдали честь и быстро шмыгнули в темноту. Один раз попался ухоженный человек, наверняка из Администрации, он выгуливал громадного, мне по пояс, дога.

Выйдя из своего подъезда, я не пошёл в Центр по Западной улице, а срезал угол через дворы. Выбрался на Кирпичный проспект, или просто Кирпичник (тоже большая улица, но чуть поменьше Западной), повернул налево, прошёлся ещё метров пятьдесят – вот он и Центр.

Центр – это перекрёсток всех улиц, самая дорогая и обустроенная часть Зелёного Города и... безопасная. Вон, буквально в пятнадцати шагах справа от меня синие ворота городского гарнизона. Правда, войск там немного – в основном все в рейдах и дежурят на стенах – только охрана главного склада. Зато на территории гарнизона находится автопарк, а это несколько единиц бронетехники: БТРов, БМП и Шилок – страшно дорогого, но весьма эффективного оружия в нашем Мире.

Ворота гарнизона как раз раскрылись, и из них выехал «уазик», дал газу, ловко вписался в поворот и промчался мимо меня. Я посмотрел ему вслед с лёгкой завистью.

В общем, Центр есть Центр, не зря слева от меня в тридцати шагах белеет на фоне серых пятиэтажек свежеекрашенное здание Администрации Колонии, вокруг которого раскинулся аккуратно подстриженный зелёный газон.

А прямо через дорогу – та самая «Спираль», длинное, будто сплющенное с боков жёлтое трёхэтажное здание. «Спираль» – это не просто клуб для отдыха. Это ещё и магазин, ресторан и даже немного автомастерская. Но мне сейчас нужен только концертный зал. Пропустили меня внутрь без вопросов, теперь вверх по лестнице на второй этаж, потом направо и дальше по коридору до третьей двери слева. Рядом с дверью – здоровенный лысый охранник в серой форме. Новичок. Я его раньше не видел. Из пришлых, что ли?

Охранник окинул меня взглядом, чуть задержал глаза на кобуре и приподнял губу – типа улыбнулся. Снисходительный жест рукой в сторону двери, мол, проходите, уважаемый, но с пистолетом не балуйтесь, а то, коли не обучены, можете отстрелить себе что-нибудь.

Да, охранник здоровяк! Я и сам не маленький, один из самых высоких в разведбатальоне, но этот парень был еще выше и мощнее. Пока он «давил» меня покровительственным взглядом, я смотрел себе под ноги, как нашкодивший школьник возле учителя, и, только когда мне разрешили пройти, вскинул голову. Один взгляд прямо в глаза. Это возымело эффект. Охранник дёрнулся, и даже рука потянулась за пазуху, к оружию видимо. Я ещё ведь надавил на него мысленной картинкой, как учили. Это когда смотришь на человека и одновременно представляешь какой-нибудь образ. Принцип работы простой, к примеру, когда кто-то видит, как другому человеку перерезают горло, у него самого в области шеи возникают неприятные ощущения. Так и с мысленной картинкой, если постараться, то на долю секунды можно передать любое ощущение.

Здоровяк взял себя в руки, вежливо сказал:

– Проходите.

Да, приятель, просчитался ты, по походке, что ли, не вычислил, насколько перед тобой опасный противник. Я же вроде и не скрывался. Зазевался, видно. Но материал, безусловно, интересный, можно сказать, выше среднего, у меня на это нюх. Может, узнать, откуда он?

Концертный зал занимал пространство двух этажей и представлял собой нечто среднее между театром и рестораном. Раньше это была студенческая аудитория (собственно, сама «Спираль» когда-то была университетским корпусом), вниз от входа вела узкая лестница, слева поднимался разновысотный помост, а справа сцена, на которой играли рок-оперу. Нижние

ряды помоста были разобраны, а освободившееся место заставлено партами. Задрапированные красной тканью, они служили столиками для посетителей. С верхних рядов парты убрали, на их место поставили мягкие диваны, каждый отгородили яркими занавесками. Это были ложи для дорогих гостей.

Я выбрал первый попавшийся свободный столик-парту, а таких было немного – народ всё прибывал. Через один столик от меня худющий паренёк (Гаврик его мизинцем перешибёт) втягивал белый порошок, рассыпанный на металлической пластине. Рядом с ним девчонка примерно такого же тщедушного вида ждала своей очереди. Может, это были музыканты, перед концертом настраивались, или маги из отверженных.

А на верхних ложах курили кальяны. Запах оттуда тоже доносился... характерный. А мне вот кальяны нельзя курить и порошков никаких нельзя. Лёгкие надо беречь, да и атрофия носоглотки ни к чему. В моей работе без обоняния никак.

Зато вот стаканчик-другой абсента выпить можно для снятия напряжения.

Я позвал официанта, заказал алкоголь и ужин. Есть захотелось жутко. Официант, знавший меня, спросил:

– Лике Александровне передать, что вы вернулись?

– Нет. Не надо, пусть спокойно готовится, – ответил я.

Официант кивнул и ушёл.

А в зале уже свободных мест почти не было. Хотя не у каждого были деньги и время, чтобы посещать «Спираль». Ведь одиннадцать часов – это уже глубокая ночь, заводские рабочие уже спят, но концерты обычно проходят именно в это время, чтобы снизить нагрузку на ТЭЦ и ЛЭП.

Раз в месяц Администрация расщедривается, и здесь, в клубе или прямо на площади в Центре, проводят настоящий концерт. Рок-оперу «Дорога без возврата» по мотивам книги Анджея Сапковского из цикла «Сага о Ведьмаке». И народу, чтобы послушать, собирается тьма-тьмушая. И моя сестра поёт в этой опере одну из главных партий.

Понятно, оперу организовали не сразу, а лет через двенадцать после Прорыва. Восстановливать всё пришлось по обрывкам текстов и нот, попавших с Внешней Земли. Сначала вообще всё делала кучка энтузиастов, но потом пришла помощь из Администрации (народу, в конце концов, тоже ведь нужны зрелища), и дело пошло на лад.

В промежутках между серьёзными концертами, два-три раза в неделю, устраивают небольшие выступления, вот как сегодня.

Официант принёс заказ. Мясо, картофель и хлеб быстро проследовали в желудок. Можно перейти к продолжению вечерней программы.

А зал практически полностью заполнился, отовсюду доносился гул голосов.

– Простите, здесь свободно? – раздался рядом женский голос.

Я обернулся, возле меня стояла девушка лет пятнадцати в белой рубашке и серой юбочке, русоволосая, с аккуратными косичками и голубыми глазами. Ух ты, на руке браслет профсоюза магов! Я немного сконцентрировал взгляд. Да, девочка непростая – начинающая волшебница, но невежливо разглядывать людей в упор.

– Да, конечно, – ответил я, – садитесь.

И указал на стул рядом с собой.

– Спасибо.

Девочка села, положила небольшой рюкзачок себе на колени.

– Любите «Дорогу»? – спросил я.

– Да, обожаю! – пылко ответила она. – И «Ведьмака». И Сапковского, разве он не гений?

– Он очень хороший писатель, – дипломатично согласился я.

Но сам думал несколько иначе. Нет, я люблю фэнтези. А что ещё читать у нас? Постаплично у меня вызывает гомерический хохот. Классика – она ещё в школе поднаеела. Остаётся

фэнтези. И Сапковского я ценю именно как писателя, создателя. Но, ё-моё, что за герои, что за метания, все эти рассуждения о праве человека на жизнь. Главный герой – Геральт, охотник на нечисть. Его любимая женщина просит убить говорящего дракона, чтобы продать его шкуру и получить возможность иметь детей. Да любой нормальный мужик в такой ситуации должен задать один вопрос: «Дракона убить как – быстро или чтобы чуть-чуть помучился?» А Ведьмак кобенится!

А люди и остальные существа: эльфы, гномы, дриады и прочее. Я не понимаю, как можно сравнивать людей и другие существа и выбирать между ними. Спокойно смотреть, как людей убивают чужие, и считать, что это правильно? Да какой бы ни был человек, хоть ублюдок, хоть выродок, – но он свой, он человек. Если надо, я ему сам башку прострелю, язык вырву, но я – человек другому человеку!

Остальные существа: эльфы, дриады, которых выгнали со своей земли плохие люди. Вот у всех есть право на жизнь, кроме людей. Да только, чем дриады лучше людей. Им плевать на всех, им плевать, в первую очередь, на людей. Они сгноили и перебили бы весь род человеческий, будь у них такая возможность! Так чего стенать, если люди просто оказались сильнее? А этот Геральт печется обо всех подряд и удивляется, чего же это люди его за своего не принимают.

Тут я сообразил, что абсент всё-таки на меня подействовал и что девочка рядом очень внимательно на меня смотрит. Я, ещё не остыв от рассуждений, подогретых абсентом, повернулся чересчур резко, глянул на неё, а вдобавок не удержал эмоции, собрал все чувства в кулак и вспышкой бросил в девушку.

Та отшатнулась на спинку стула, потеряла равновесие и упала бы, если б я не схватил её за руку.

– Извините, – пробормотал я.

– Ничего страшного. Это я должна извиняться, – ответила она и снова с интересом на меня взглянула.

– Забудем о грустном. Кстати, я так и не спросил, как вас зовут.

– Аглая.

– Виктор. Будем знакомы. Вам заказать что-нибудь?

– Не стоит, уже начинается.

Свет в зале стал гаснуть, раздалась клавишные аккорды. Аглая повернулась к сцене и замерла. Я тоже начал слушать. Заиграла гитара, потом барабаны, полилась прекрасная музыка. На небольшую сцену с разных сторон вышли двое: мужчина и женщина. Он – высокий, длинноволосый, длиннолицый, в серебряной кольчуге и с длиннющим мечом – Ведьмак Геральт. Глаза Аглаи загорелись, не иначе, влюбилась девчонка. Я же Гошку Лопухина терпеть не могу, тоже мне, кумир молодёжи хренов! Пусть сначала научится меч вращать, чтобы тело в разные стороны не моталось. А она – красавица с внешностью, благодаря которой её в одинаковой мере можно принять за восточную принцессу и за европейскую графиню. Богородное лицо с идеальными, точёными чертами, поражало красотой и говорило о твёрдом характере. Это Лика в роли Йеннифэр, облаченная в вычурное платье до пола. Её длинные черные волосы густой волной спускались до пояса. Наверное, такие люди когда-то рождались на Внешней Земле в браках персидской знати с римскими аристократами.

Со сцены полилось пение. Первой вступила Лика, она запела высоким пронзительным голосом, печально растягивая слова.

*Йеннифэр*⁶

В серых буднях проходит ещё один год,

⁶ Группа «ESSE», рок-опера «Дорога без возврата», ария «Королева зимы (Йеннифэр)».

Безразличие, холод, интриг хоровод,

Чтобы выжить, точнее, чтоб существовать,

Чтобы завтра завязнуть в болоте опять.
Гоша-Геральт слегка с хрипотцой.

Геральт

Заливает души пустоту сладкий яд,

Королева зимы не жена и не мать,

Отправляешься в путь, забирая с собой

Раскалённое сердце жертвы другой.

Йеннифэр

Презирая законы, купаясь в вине,

Разрывая одежды, летая во сне.

Геральт

Отдавая себя зову плоти одной,

Неизбывной тоски, разрывая покой.

Несмотря ни на что остаёшься собой, как и прежде.

Небесной красоты земное воплощенье,

Неуловимый призрак, исчезающий в ночи,

Отдавшие тебе своей души горенье,

Как мотыльки для пламени свечи.

Минуту назад на маленькой сцене стояли два актёра в причудливых костюмах, совсем неуместных в этой бывшей студенческой аудитории, где люди ели и пили. Сейчас же это были герои из другого Мира. Такие разные и такие непонятные, но такие яркие и запоминающиеся. И эти герои рассказывали историю своей любви. А зрители слушали их, затаив дыхание.

Йеннифэр

Растает в сердце лёд

У Снежной королевы,

Цветного сна полёт

Укажет свет неверный,

Разрушится стена

Моей души прекрасной,

И ветер из окна

Откроет двери в сказку мне.

Геральт

Счет оплачен: бездетность за власть и красу.

Жизнь проходит, а после прыжок в пустоту

Недоступное счастье в горячих сердцах

Расплывается в бывшей горбуны глазах.

Отвернись и забудь, победи в себе страх.

Ничего нет страшней чародейки в слезах.

Йеннифэр

От судьбы не уйти, от себя не сбежать.

За меня все решили учитель и мать.

Отказаться от песен друзей и подруг,

Излечить навсегда мой страшный недуг.

Я не знала любви и не знала тепла,

Безразличием льда наполняла сердца.

Наяву вижу то, что нельзя предсказать.

Лёд хрустальный в осколках назад не собрать.

Неприкаянным принцем из детской мечты

На дороге случайно мне встретился ты

Белым волком на лице серой Луны.

Геральт

А судьба над тобой посмеялась опять,

Подарила любовь, чтобы снова отнять,

Но не в силах никто эту цепь разорвать.

Бессмысленно пытаться жить как прежде,

Теряя понапрасну жизни дни.

Мгновение любви за годы без надежды,

Ведьмачье молчаливое: «Прости».

Йеннифэр

Растает в сердце лёд

У Снежной королевы,

Цветного сна полёт

Укажет свет неверный,

Разрушится стена

Моей души прекрасной,

И ветер из окна

Откроет двери в сказку мне.

Затих последний аккорд. Зрители зааплодировали. Лика и Гоша взялись за руки и поклонились. Аглая поднялась со стула, хлопая в ладоши, закричала:

– Bravo!

А глаза мокрые. Ох, бедная девушка, наверное, мнит себя юной Цири⁷ и жаждет подвигов. Тем временем актриса спустилась со сцены в зал. Она плавно шла, ловя на себе восхищённые взгляды. Тихо шуршало платье, несильно раскачивались длинные волосы.

– Вернулся, братик, – еле слышно сказала она, подойдя ко мне. – Почему не предупредил?

Крошечные, острые, бесцветные коготки прошлись по моей короткой шевелюре, скользнули по лицу.

Я взял её руку, поднялся. Нам очень хотелось обнять друг друга после разлуки. И хотя в зале было темно, освещена только сцена, мы не стали обниматься на виду у всех – просто стояли и смотрели друг на друга.

– Я не хотел сбивать тебя перед выступлением, – ответил я и поцеловал её руку.

Лика улыбнулась и глянула в сторону.

– А, Аглая, ты тоже здесь? – сказала она.

Моя соседка поднялась, явно смущенная.

– Здравствуйте, Лика Александровна.

– Я очень рада тебя видеть. Проследи за моим братом, пожалуйста, чтобы никуда не сбегал и никого не убил, – ироничный взгляд в мою сторону, – а мне пора на сцену. Договорились?

– Будет сделано, Лика Александровна, – ответила Аглая, очень довольная.

– Пока, братец.

Лика высвободила руку и вернулась на сцену.

Я все еще смотрел ей вслед, когда Аглая спросила меня почему-то шёпотом:

– А вы правда можете просто так убить человека?

– Да, – ответил я тоже шёпотом, – особенно если этот кто-то будет задавать глупые вопросы.

⁷ Героиня цикла Анджея Сапковского «Сага о Ведьмаке».

Девушка плюхнулась на стул и, похоже, обиделась.

– Ну будет вам, – сказал я ей, присаживаясь рядом, – вам же поручили такое важное задание. Как вы его выполните, если будете всё время смотреть себе под ноги?

– Я не ребёнок, – раздельно и чётко произнесла Аглая и посмотрела на меня обиженно.

– А я знаю. Но помните, что только ребёнок обижается на безобидные шутки.

Аглая улыбнулась.

– Ну так что, может, заказать вам что-нибудь?

– Нет, – она так быстро закивала головой, что косички взметнулись в разные стороны, – сейчас же будет продолжение.

Раздался резкий голос скрипки – и представление продолжилось. Аглая снова погрузилась в происходящее, я для неё перестал существовать. Ладно, я плеснул в рюмку ещё абсента и задумался. Анджей Сапковский всё-таки прекрасный писатель, настоящий.

Вроде, вдумаясь, нелогичный бред и рефлексирующая философия, а всё равно его книги цепляют. Книги – интереснейшая вещь. В нашем Мире читают авторов только с Внешней Земли, своих писателей ещё не вырастили. Я тоже читал, кроме Сапковского, Кука, Толкиена, Мартина. И конечно, писатели когда-то Родины: Перумова, Золотникова, Мазина, Пехова, Прозорова, ну и других. Читать я любил с детства. Отец приносил книги из рейдов в Северные Развалины. Первая книга, которую я прочитал, называлась «Чёрный охотник».

– Читай, – сказал тогда отец, – может, ума наберёшься.

На обложке фамилия автора отсутствовала – её кто-то обгрыз, зато был изображен воин в чёрном одеянии на фоне дикого леса, точнее, джунглей, но тогда я еще не понимал, что такое джунгли, мне было лет семь. А книга была старая, выцветшая, с вырванными листами, с разваленным корешком. Я прочитал ее за одну ночь.

Как же я потом хотел стать этим Чёрным охотником! А спустя некоторое время я помог отцу в полной темноте найти магазин для «стечкина», тогда ещё принадлежащего ему.

Но нет, я, конечно, не Чёрный охотник, скорость реакции у меня ниже, я не такой сильный и быстрый, и зубы вместо выбитых не вырастают. Хотя насчёт последнего не знаю наверняка. Зубы мне ни разу не выбивали, и у зубного врача я сроду не был.

Гоша и Лика исполнили дуэтом ещё две арии из «Дороги без возврата», а потом Гоша спел песню группы «Агата Кристи» «Чёрная луна», если я не путаю название. На этом закончили – отведённое время кончилось. Звуковая аппаратура жрёт энергию будь здоров.

Артист поклонился, зрители зааплодировали. Аглая выскочила из-за стола и бросилась к сцене, а потом нырнула за кулисы, я почему-то не удивился, что её спокойно пропустили внутрь. А вот молодых парня и девушку, пытавшихся пробраться на сцену, шуганули из-за занавеса.

Почти все посетители разошлись, официанты убирали в зале, поднимали стулья на столы. Свет остался приглушенным. А я все ждал сестру.

Наконец, она вышла из-за кулис в лёгком синем пальто, в джинсах и кроссовках на высокой шнуровке. Волосы она заплела в длинную косу. На плече у нее висела прямоугольная сумка с изображением высокого, тощего, глазастого чудака в пиджаке, который рубил длинным мечом каких-то уродов. Сумка была старая, я сам принёс её Лике из Северных Развалин, знал, что она любит такие картинки. Да и сама рисует неплохо, и это, понятно, не единственный её талант.

– Почему так долго? – спросил я, подходя к ней.

– Обсуждали детали оперы, скоро будет Проход, а после него выступление. Как обычно. Сам, что ли, не знаешь?

– Знаю, и с кем обсуждали, не с Аглаей ли? – Я улыбнулся.

– Представь себе, – Лика перекинула сумку через плечо, – с ней. Она – волшебница, подающая большие надежды, мы обсуждали с ней разные магические прикамбасы для оперы.

– Я просто в шоке, эксплуатируем наивных дурочек, да? – сказал я и притянул Лику к себе.

– Дурак ты! – ответила Лика – и сразу, без перехода: – Трудно было?

– Да так, пустяки, – махнул я рукой.

– А здесь говорили...

– Никогда не слушай, что болтают, пока я в рейде, сколько раз я тебе говорил. Расскажи лучше, что вы нового придумали для оперы.

Лика покачала головой и сказала:

– Ладно, по дороге расскажу, – она вывернулась из объятий и взяла меня под руку. – Пошли?

И мы пошли к выходу.

6. Дом

Ли́ка и Виктор лежали рядом в темноте, мокрые, тяжело дышащие. На кровать запрыгнул здоровенный рыжий кот, прошёл между ними, одеяло под весом кота сползло, обнажив грудь Ли́ки и розовый сосок.

– Ах ты, Баська, нахал! – сказала она, подхватывая кота руками и притягивая к себе. – Ко мне захотел, да?

Она почесала кота за ухом, тот замурчал.

– Старый стал, ленивый. А помнишь, как он горевал, когда папа умер? – вдруг спросила Ли́ка у Виктора.

– Помню, – коротко ответил Виктор, он не хотел вспоминать это время.

* * *

Их отец, Александр Михайлович Ахромеев, умер в сорок семь лет. Инсульт. Сразу насмерть. Следствие контузий и многочисленных травм. Виктору тогда было почти шестнадцать. Ли́ке чуть больше семнадцати. Жена Александра, Виктория Александровна Ахромеева, умерла еще задолго до этого: всего через десять дней после рождения Виктора. Тогда только наладили Проходы с Внешней Земли, через них стали присылать белковые батончики, очень калорийные, обогащенные определённым набором витаминов. Их выдавали роженицам по особой разрядке. У Виктории оказалась аллергия на эти батончики, результат – анафилактический шок и летальный исход.

Александр Ахромеев служил офицером подразделения специального назначения, в двадцать семь лет он познакомился с Викторией Гольштейн, которая буквально через три месяца стала Ахромеевой. А ещё через десять месяцев они вместе с частью своего родного города оказались в другом Мире.

Произошёл Прорыв – необъяснимое явление, во время которого кусок одного Мира провалился в другой, который позднее назвали – Мир Колоний. А «провалившиеся» в другую реальность со временем свою бывшую Родину стали называть – Внешняя Земля.

Из трёхсоттысячного города в новый Мир попали сто двадцать тысяч человек, через год их осталось семьдесят тысяч. В первую очередь погибли все старики, тяжелобольные люди, новорождённые. Туберкулёзные стационары и подобные им вымирали за считанные месяцы.

Кроме горожан, в Мир попали люди из окрестных деревень. Сколько всего народа оказалось в Мире Колоний, сколько выжило, кто погиб или пропал без вести во время катаклизма, до сих пор неизвестно, и вряд ли кто-нибудь когда-нибудь это узнает.

Очень быстро население расплзлось по ближайшим деревням, поближе к земле, к еде, к дармовому лесу, который можно пустить на дрова и постройки. Вдруг оказалось, что город надо очень быстро оградить стеной, для защита от разных тварей нового Мира. И длина этой стены определялась количеством зданий, в которые ТЭЦ может подавать тепло. Все жилые кварталы, попавшие в Мир Колоний, оказалось невозможно отапливать, подавать в них воду и тепло. Люди покинули свои дома и ушли под защиту стен. Так появились Северные Развалины, огромный пустырь, полный заброшенных зданий.

В самом искалеченном городе, бывшем куске Внешней Земли, люди, ставшие невольными колонистами, как могли, пытались наладить инфраструктуру: восстановить хоть какое-то производство, поддерживать в рабочем состоянии ТЭЦ. Другие «провалившиеся» стали уходить на восток – поднимать целину, на юг и на север – добывать торф в болотах или ещё дальше на юг – добывать уголь. Со временем из городка Внешней Земли, разрушенного, вырванного

из привычной среды, возник Зелёный Город, создавший Колонию, которая контролировала огромную территорию, имела свою армию и промышленность.

Но, кроме Зелёного Города, существуют и другие Колонии. В трёхстах километрах к востоку от него находятся Фактории: цепочка поселений вдоль реки, впадающей в Северный Океан. А в пятистах километрах южнее Факторий, посреди степей, образовалась Южная Колония. Она известна своими магическими амулетами, чуть ли не лучшими в Мире, и отличной рудой, которую южане сами добывают из небольших месторождений.

Сейчас в Зелёном Городе живут примерно двадцать две тысячи человек, а во всей Колонии, которую он контролирует, около ста тридцати тысяч.

Система власти в Колонии полудемократическая.

Существует профсоюз магов, Союз военных, Профсоюз рабочих, Совет окраин и Совет пришлых. Сообща они назначают кабинет префектов (исполнительную власть). Население Колонии, эти пять структур (два Совета, два Профсоюза и один Союз) вместе со всеми префектами, называют одним ёмким словом – Администрация.

Люди, в зависимости от того, кто к какой категории принадлежит, выбирают свои органы власти. Военные – Военный союз, рабочие и маги – свои Профсоюзы, жители окраин (к ним относят всех, кто занимается сельским хозяйством, а также трапперов) свой Совет, а пришлые свой.

Пришлых, кстати, исчезающее меньшинство в Колонии, это фактически изгои, но они занимают очень важное место в жизни Зелёного Города.

Пришлыми называют тех людей, кто попал в Мир *после* основного Прорыва.

Совет пришлых занимается проблемами «попаданцев»: находит им временное жильё, работу по профессии, а некоторых, по желанию и за очень большие деньги, отправляет обратно на Внешнюю Землю.

Как оказалось, связь между Миром Колоний и Внешней Землёй совсем не оборвалась. Между ними очень редко возникают порталы (их называют Проколы), совсем небольшие. Как они возникают, из-за чего, куда ведут – никто толком не знает, но всё-таки через них каждый год в Мир Колоний попадает не меньше полутора десятков человек. И наоборот, на Внешней Земле оказываются существа (в том числе и нечисть), что населяют Мир Колоний.

Кроме никем не контролируемых Проколов, существуют ещё Проходы, которые контролируются людьми. Через них идёт торговля с Внешней Землёй. Каждая Колония: и Зелёный Город, и Фактории, и Южная Колония – имеет свой Проход и ведёт свои торговые дела с бывшей Родиной.

Проходы открываются раз в полгода, чаще нельзя, и потоки грузов через них идут небольшие – тонн на триста-четыреста. Больше тоже запрещено.

Но, когда открывали первые Проходы, об этом не знали. Через них из Внешней Земли в Мир Колоний сразу отправляли тысячи тонн товаров, и что-то пошло не так в системе Мироздания.

Через несколько месяцев после первого Прохода произошёл неконтролируемый Прокол. Целый жилой квартал вдруг обнаружил себя на территории, контролируемой Зелёным Городом. Ещё две тысячи человек перенеслись на территорию Факторий.

Когда во всём разобрались, стали тщательно следить за объёмом грузопотока. За равновесием между товарами, отправляемыми с Внешней Земли и обратно. Иначе в Мироздании опять происходило что-то необъяснимое и возникали неконтролируемые Проколы.

Из-за последних и из-за того, что на Внешнюю Землю стали попадать такие твари, о которых раньше там даже и не слышали, многие земные политики стали требовать совсем прекратить любое сообщение с Миром Колоний. Дескать, после этого и Проколы исчезнут. Это, конечно, глупость, Прорыв-то произошёл, когда никаких Проходов и вовсе не было.

Но в любом случае Проходы никто отменять не будет, потому что всё, что получают жители Колоний от Внешней Земли, покупается, и покупается задорого.

Органы диковинных зверей Мира, обладающие уникальными свойствами, редкие растения, эликсиры из них, уникальные минералы, источающие магию. Всё это невероятно обогащает земную науку, а заодно служит платой за предельно чистые нефтепродукты, запчасти, примитивную электронику, удобрения и антибиотики.

Смешно, сывороткой, полученной из органа какого-нибудь волка-выворотка, можно вылечить десятки людей от самых опасных болезней, вплоть до онкологических, а Колониям нужны антибиотики. Ну не может хороший маг качественно вылечить больше двух тяжелобольных, а свои исследования Колониям проводить невозможно – технологический уровень не тот.

Вот и колют больным рабочим и раненым солдатам антибиотики и кормят их белковыми батончиками.

Александр Михайлович Ахромеев в общей сложности прожил в Зелёном Городе девятнадцать лет. Через год после Прорыва у Виктории родилась Лика, ещё через год с небольшим – Виктор. А Александр за оставшиеся годы немало повоевал и вместе со своими сослуживцами, тоже провалившимися, создал уникальную систему подготовки для выживания и победы в новом Мире, на новой Родине. И успел вдолбить эту систему в единственного сына.

* * *

Лика заметила, что брат загрустил, протянула руку и почесала его за ухом – так же, как недавно кога.

– Держись, Витя, шесть лет уже прошло.

– Да, я помню, почти шесть, – ответил он и сжал кулаки, как будто хотел с кем-то драться.

– А всё-таки вовремя ты вернулся, – Лика решила отвлечь брата, – а то у нас в городе болтать начинают разное.

– Что болтают? – резко спросил Виктор.

– Ну... Говорят, что коренные принижают в правах пришлых и что это несправедливо. Что надо объединиться с Внешней Землёй, и тогда всё будет хорошо.

– Не слушай кретинов и крыс, работать не хотят, так их заставят. Можешь мне поверить. И, взглянув на неё, добавил:

– Не переживай, всё у нас будет хорошо.

Может быть, он сам в этот момент верил в то, что говорил.

* * *

Виктор Ахромеев

Солнце давно встало, но лучи не били прямо в окно, а падали откуда-то сбоку. По ним я прикинул примерное положение солнца и определил время. Выходило часов одиннадцать или двенадцать. Точнее я определить не мог. Правильно говорил отец, тренироваться каждый день надо, иначе внутренние часы собьются, хотя зачем тогда он мне свои наручные часы подарил?

– Витя, проснулся? – послышалось из соседней комнаты.

– Ага, а сколько времени?

– Тридцать пять двенадцатого.

М-да, почти угадал.

Я поднялся с кровати, оделся и вышел на кухню. Лика стояла, запрокинув голову и сжав пальцами ноздри.

– Ты опять за своё? – недовольно спросил я.

– Ах-ха армм... ух, – она откашлялась, резко тряхнула головой и улыбнулась. – Ой, не нуди, это новые капли, без побочных эффектов, всё нормально, – отмахнулась она.

– Ага, а потом тебя опять к магу тащить, память чистить.

– Да не ворчи ты, такого больше не повторится. Честное слово, – сказала Лика, а в глазах у неё уже горели огоньки, движения стали резкими, порывистыми.

– Ну-ну, – не хотелось мне с ней спорить сегодня.

Лика взяла чайник с кухонной плиты, потом достала с полки банку кофе, здешнего, не земного, и упаковку рафинада. Насыпала в чашку кофе, налила кипятка, распечатала сахар, протянула руку к упаковке. Два сахарных кубика зашевелились и прыгнули ей на ладонь.

Лика самодовольно посмотрела на меня.

– Вот это да, я поражён, теперь я тебя боюсь. Можешь идти в профсоюз магов, заменять миномётный дивизион. Только кофе сначала мне налей, чародейка, – попросил я.

– Раз мы такие скептики, сегодня обойдётся без кофе. Тем более смотри сюда.

– Чего там? – спросил я, наблюдая за ней.

Она достала из-под стола белый пластиковый пакет и вытащила из него две консервные банки и одну маленькую канистру, литра на четыре.

– Нектарины, – прочитал я на одной банке, на которой были нарисованы жёлтые дольки каких-то неизвестных фруктов.

– Нектарины, – повторил я, – а что это такое?

– Это как персики, но только вкуснее.

– Персики?! Как? Откуда? До Прохода же ещё два дня!

– Ты забыл, я же волшебница.

– Лика, я серьёзно.

– Я тоже, – ответила она и, невинно пожав плечами, откинулась на спинку стула. – Ну ладно, – сжалившись, ответила сестра, – журналисты подарили с Внешней Земли. Они о нашей опере передачу делали и о Городе вообще. В этот Проход должны уйти обратно. А это часть моего гонорара. Правда, сначала предлагали вшивый земной кокаин, но я их послала.

– Это правильно, попробуем?

– Конечно, погоди, куда открывалку положила?

– Какая, на фиг, открывалка? – воскликнул я и подхватил со стола кухонный нож.

Одно движение правой рукой, три левой – и консервная крышка летит в сторону. Я поддел ножом половинку нектарина (они-то и были нарисованы на банке) и протянул Лике. Она взяла нож, а мне отдала вилку.

Я проткнул вилкой другую половинку, вытащил из банки, откусил кусочек.

– Вот ведь ***! – сказал я, когда снова стал воспринимать реальность.

– Без мата, господин офицер, здесь дамы.

– Как будто ты со мной не согласна.

– Положа руку на сердце, да! – честно призналась Лика. – Продолжим?

– Естественно.

Спустя какое-то время я спросил:

– А что во второй банке?

– Ананасы, – ответила Лика, – а в канистре вроде сок какой-то.

Это оказался не сок, а молодое вино, но тоже было вкусно.

После второй кружки вина Лика сказала, взглянув на часы:

– Ой, а мне пора, – она взяла чашку кофе и залпом допила.

– На репетицию, что ли? – спросил я.

– Ага, скоро большой концерт, надо готовиться. – Лика поднялась из-за стола. – Ананасы без меня не убивай, ладно?

– Обижает.

Лица чмокнула меня в щёку и пошла одеваться.

– Погоди, – крикнул я ей вслед, – а кроме ананасов есть еще еда?

– В холодильнике посмотри, – донеслось из коридора, а потом дверь открылась и захлопнулась.

– В холодильнике – так в холодильнике, – сказал я самому себе и налил ещё вина.

Не хотелось просто куртку надевать, чтобы в холодильник спуститься.

Через пять минут я стоял перед высоченной, обитой резиной дверью в подвале своего дома. В руках я держал канистру с вином и банку ананасов. Поставив всё это на бетонный пол, я потянул за длинную вертикальную ручку, поднатужился, и дверь с хлопком открылась. Изнутри раздавалось ворчание, как раз пустили ток в холодильник.

«Надо было все-таки куртку надеть», – подумал я и, взяв продукты, вошёл внутрь.

На потолке и на стенах намёрз иней, внутри было градусов десять ниже нуля, естественно. Найдя в холодильнике свою ячейку – третий этаж, третий подъезд, квартира семнадцать – и сбив лёд с дверцы, я открыл её.

Внутри лежали продукты разной степени готовности, а главное – большая сковородка грибов с картошкой. Отлично! Закинув в ячейку вино и ананасы (Господи, как приятно звучит!), я взял сковороду и пулей выбежал из холодильника.

Уже на улице, со сковородой в руках, я столкнулся нос к носу с Антоном, который вчера командовал дежурным отрядом у ворот.

– Здорово, Тоха! – крикнул я, протягивая свободную руку. – Ты что, только из караула?

– Да, – ответил он, поздоровавшись, – пришлось задержаться, тебе-то заступать через неделю.

– Не угадал, через двенадцать дней. А что случилось?

Кроме рейдов, обычно каждый разведчик, кроме выходов в рейды, сутки или двое дежурит у городских ворот или у другого важного объекта.

– Да, – махнул рукой Антон, – выступления были. Пришлые там и всякий сброд, в общем, ходили с плакатами и чего-то требовали. Денег хотят, скорее всего. Вчера только собирались, и сегодня вышли на демонстрацию, и вроде хотят завтра продолжить. В Центр их не пустили, вот они и ходили по Западной улице. Ну, меня и троих солдат отправили за порядком следить вместе с милицейскими, пока смена не подойдет.

Я задумчиво почесал голову. Пришлыми в последнее время стали называть не только тех, кто попал к нам с Внешней Земли уже после Прорыва, но и тех, кто хотел установить те же порядки, что на Внешней Земле.

– А что, их милицейские не разгоняют? – спросил я.

– Да дело в том, что послезавтра – Проход, с ним какие-то журналисты с Внешней Земли обратно возвращаются. Они вроде как репортаж делали о нашем городе и о всей Колонии. Расскажут обо всём на Внешней Земле, ну и про эти уличные акции тоже. Поэтому Администрация велела вести себя вежливо.

– А, знаю, – ответил я, – они про оперу, в которой поет Лица, тоже что-то снимали. Ты сейчас отсыпаться, в баню не пойдёшь?

– Не-а, но вроде из твоих туда кто-то собирался. А сколько сейчас времени?

– Двенадцать ноль пять, – не глядя на часы, сказал я.

– Не угадал, – Антон улыбнулся, – двенадцать ноль три. Но, в общем, часа в два мы планировали собраться.

– Ага, понял, спасибо, что сказал, иди отсыпайся.

– Да не за что, счастливо.

Мы пожали друг другу руки, и Антон отправился домой, его ждала там семья. А я побежал к себе.

Дом у нас хороший, отец с матерью в нём жили ещё на Внешней Земле. Три комнаты, кухня, красные обои с золотым узором, их, правда, отец уже позже наклеил, дорогие были, заразы. А мебель – шкафы, столы, стулья, диваны – практически ничего не изменилось.

В кухне я быстренько поставил сковородку на плиту.

Уголь, на котором Лика грела воду для кофе, ещё не прогорел. Вытащив из духовки железную пластину с прорезями для воздуха, я опустил её на два крепления ниже, подсыпал на неё немного свежего угля из бумажного мешка в шкафу. Жар пополз от плиты. Масло на сковороде заскворчало. Пепел, упавший вниз на пол, я аккуратно смёл железной щёткой на совок и выбросил в раковину.

Плита, конечно, не газовая, как на Внешней Земле, но хорошая. Только недавно дымоход поменяли, даже я гари не чувствую. Хотя, конечно, чёрная труба, уходящая в стену, вид портит.

«Надо покрасить», – подумал я, помешивая картошку.

Еда разогрелась, я положил разделочную доску на стол, на неё поставил сковороду, и, улетая картошку с грибами, стал размышлять о планах на вечер.

В принципе, план был один: пропариться до костей в бане. Вот только одному или в компании? Загорный, скорее всего, тоже пойдёт, может даже, он уже там, как и Боря. Салим или в спортзале, или дома с невестой. Гаврик в Профсоюзе своём наверняка. Инга и Коля – не знаю.

Из остальных друзей Артём и Колюня, неразлучная парочка, скорее всего, в рейде, Дэн вроде в шахты собирался. А что я, собственно, голову ломаю? Бросив в рот последнюю ложку картошки, я взялся за телефон.

– Коммутатор? – спросил я в трубку.

– Да, слушаю, – ответил женский голос.

– Девушка, пожалуйста, два пять, два пять, пятнадцать.

– Соединяю.

И через пол минуты:

– Два пять, два пять, пятнадцать не отвечает.

– Понял, спасибо.

Так, вопрос решён, сковорода отправилась в раковину, а я побрёл за банными принадлежностями. Через пять минут, потушив огонь в плите, я велел Баське сторожить дом и закрыл дверь на ключ.

* * *

Бань в Городе, разумеется, несколько, но самые лучшие – Купеческие, расположенные прямо перед Южным рынком, в старинном здании с колоннами. На Внешней Земле оно было архитектурным памятником, а здесь стало баней. Отличный, кстати, домик, крепкий, ни трещин, ни плесени, фундамент выглядит так, будто только что построили. И сами бани отменные: парилки, два бассейна и свободные места, которые всегда найдутся для доблестных бойцов. Даже в долг, но это не для меня.

Я сидел с мокрой головой, завернувшись в простыню, и смаковал второй бокал пива. Первый, как и положено, был выпит залпом. После парилки и бассейна – то что надо.

Пиво я пил за столом в хорошей компании. Сашок с Борей были здесь чуть ли не с утра, с ними пришли капитан-артиллерист Игорь Залохин и Фёдор Лосев, школьный учитель, между прочим, очень умный и уважаемый человек. Я пришёл позже всех, зато успел ко второму заходу в парилку.

Напарившись и наплававшись, мы расслаблялись. А о чём могут говорить мужчины после бани за кружкой пива? Вечер после рейда все провели дома, так что разговор о женщинах потерял актуальность, осталась политика.

– Ты не понимаешь, Игорь, – говорил Фёдор Алексеевич, сухой, жилистый, хотя мужику далеко за полтинник.

– Я тебе говорю о факте, об историческом опыте. Мы часть одного этноса, и для единого рывка к освоению территории нашего Мира нужна концентрация сил, объединение. А мы тратим свои основные силы, основной человеческий ресурс, на войны друг с другом. Постоянные стычки выбивают пассионариев из этноса. Это очень сильно скажется лет примерно через двадцать.

Фёдор Алексеевич – ярый сторонник объединения Колоний и фанат Гумилёва.

– Я не понял, Фёдор Алексеевич, – говорит Игорь, – мы один этнос. И что? Неделю назад разбойников повесили – у них автоматические винтовки нашли, они сами, что ли, их в лесу сделали? А две недели назад Южный форт обстреляли из 80-миллиметровых миномётов. А вот Витёк, – кивок на меня, – три дня назад, говорят, шестьдесят диверсантов перебил. Я что, должен с этими ублюдками объединяться?

– Я не об этом, – парирует Лосев. – Феодалная раздробленность всегда усугублялась субпассионариями. Игорёк, я же тебе об этом в школе рассказывал. Лентяи, эгоисты, скупердяи – все те, для которых главное – свое брюхо, всегда были, есть и будет. И будет особенно много их сейчас, когда наш этнос достиг восьмисотлетнего возраста и вышел на тяжёлый период надлома, спада пассионарного™ и раскола этнической единицы. И здесь наши Колонии в несколько ином положении, чем основной этнос. Люди, выживающие в крайне суровых условиях, вынуждены выдвигать вперёд самых ярых пассионарных личностей и идти за ними. Люди вынуждены объединяться, чувствовать плечо друг друга, оказывать помощь окружающим нуждающимся. Поэтому в наших Колониях создалась уникальная возможность для пассионарного рывка, который может и должен перекинуться на основной этнос. И поддержать его в особенно тяжёлый период.

– А как же эти... космические лучи, которые делают человека пассионарным? – спросил Боря, который тоже, как и все мы, в школе читал рассказы Фёдора Алексеевича.

– Вот тут я не соглашусь с Львом Алексеевичем, – старый учитель ударил кулаком по столу. – Я считаю, что пассионарное™ – это не врождённая особенность, и ею можно «заражать» окружающих тебя людей. И мы должны в нашем Мире вырастить своих пассионариев, создать динамично развивающуюся государственную структуру, а потом перекинуть свой пассионарный рывок на основной этнос на Внешнюю... тьфу... то есть на Большую Землю.

– Это на тот самый этнос, который опять цены на нефтепродукты поднял? – спросил Саша, оторвавшись от клешни рака, и всем пояснил: – Ребята, которые к Проходу пойдут, рассказывали.

– Я же говорю, субпассионарии, – сказал Фёдор Алексеевич. – Или вы хотите бесконечно воевать, друзья мои, продолжать эти междоусобные войны?

Компания замолчала.

– Фёдор Алексеевич, – встрял я в разговор. – Вообще-то историки пишут, что, пока остаются разными географические условия для производства внутреннего продукта, будут оставаться различия между этносами. Вы считаете, что мы создаём внутренний добавочный продукт так же, как и основной этнос на Внешней Земле?

И хитро улыбнулся.

– Я говорил пока только об объединении Колоний. А потом уже о рывке на Внешнюю Землю.

– Ага, Фактории только и ждут, как объединить наше имущество. Только без нас, – пошутил Игорь.

– А ты считаешь, что это невозможно, Витя? – спросил Фёдор Алексеевич, проигнорировав реплику Залохина.

– Я считаю, что в теории Льва Гумилёва не совсем понятно, кто такой пассионарий, – он хороший человек или плохой, а значит, для объединения с Внешней Землёй пассионарный рывок не слишком подходит.

– Ну-ка поясни, – с иронией сказал Фёдор Алексеевич и облокотился на стол.

– Ну ладно, – вздохнул я и допил бокал пива. – Вот, к примеру, Гумилёв чуть ли не восторгается Иваном Калитой, заложившим основы Московского государства. Калита – пассионарий, патриот. Но вот, для кого патриот, для Москвы или Твери, на которую он степняков водил? А ведь и там и там живут люди одного этноса. Знаете, как в поговорке: почему добро всегда побеждает? Потому что, кто победил, тот и добро.

– Победителей не судят, да? – спросил Игорь.

– Нет, – ответил я, – кто победил, тот и пишет историю под себя. Что он самый справедливый и самый добрый. А тот, другой, – сволочь. Да с чего бы это? Почему тот, кто победил, обязательно хороший человек, а проигравший плохой. Может, победитель просто оказался самым беспринципным, безжалостным, жадным властолюбцем, а проигравший больше думал о своих людях. Кто из них пассионарий? А историю всегда можно написать такую, как надо.

– А ты, Витя, себя причисляешь к победителям? – спросил напрямик мой бывший школьный учитель.

– Да, – честно ответил я. – А если я буду победителем, что мне какой-то этнос, у которого тяжёлый период восьмисотлетнего возраста и раскол этнической единицы. Нет, не так. В качестве кого я приду не землю этноса, у которого раскол этнической единицы и пассионарный спад?

Разведчики и артиллерист Игорь Залохин понятливо заулыбались. Они поняли, что я имею в виду.

Фёдор Алексеевич надолго замолчал.

– Я всегда знал, что ты, Витя, вырастешь очень умным человеком, – наконец, ответил он. – Пойду-ка я попарюсь.

– Подождите, Фёдор Алексеевич. Я тоже, – сказал Саша и встал из-за стола.

– Ну что, парни, – обратился я к оставшимся. – Может, ещё по пиву, где тут можно налить?

– Я схожу, – отозвался Боря и ушёл.

– Витёк, – тем временем проговорил Игорь, наклонившись ко мне, – а расскажи, как ты тех диверсантов положил.

– А тебе, что, Саша с Борей ничего не рассказывали?

– У тебя интересней получится. Ты же слышал? Ты умный.

– Ну ладно, слушай, – произнёс я с довольной улыбкой.

* * *

Домой я вернулся, когда уже стемнело, дверь была не заперта изнутри. Лица дома, это её дурацкая привычка – не закрываться на ключ, хотя кто рискнёт обнести дом офицера Разведки?

В квартире я застал Лику и девушку из ресторана, Аглаю. Они вдвоём сидели в зале за столом, на коленях у Аглаи мурчал Баська. Она смущённо потупилась, увидев меня, и перестала гладить кота. Неужели в Лику влюбилась? Но непохоже, чтобы у них что-то было. Зато в комнате витал запах «специальных»⁸ ароматных палочек.

У нас с сестрой договор: она не ревнует меня к женщинам, и я не ревную ее... к женщинам. Вообще, это даже хорошо, что про Лику говорят, будто она лесбиянка. Это помогает

⁸ С примесью наркотиков.

избегать лишних... сплетен. Вот я в прошлом году одному шутнику челюсть сломал и ногу. Отвергнутый поклонник подарил Лике красивую книгу в дорогом переплёте. Первый рассказ из книги Анджея Сапковского «Последнее желание». Он так и назывался – «Ведьмак». Содержание рассказа я знал. Шутка была действительно остроумная – подарить книгу, в которой описывается, как Ведьмак сражается с упырицей, которую родила принцесса... от своего брата.

Лика впала в бешенство, хотела пристрелить бывшего приятеля. Но вмешался я, и, без лишнего шума, проявил собственное чувство юмора.

– Привет, братик, – сказала Лика. – Как попарился?

– Здорово. Я вам не помешал?

– Нет, нисколько. Тем более мы уже заканчиваем. Да, Аглая?

– Да, – девушка кивнула и улыбнулась. – У вашей сестры есть талант к магии. Она должна его развивать.

– Это у неё надо спросить, – ответил я. – Почему ты, Лика, магией не занимаешься?

– Не преувеличивай, Аглая, – сестра махнула рукой. – Обычные навыки и чувства, как у всех. На большее я не способна. Может, что-нибудь и вышло бы, если бы я вкалывала сутки напролёт, но мне одного дара достаточно.

Лика улыбнулась.

– Зря вы так, Лика Александровна, – девушка встала из-за стола. – Ну я, наверное, пойду. До свидания, Виктор... эээ Александрович.

– Можно просто Виктор, – сказал я.

– Хорошо, – ответила Аглая.

– И меня просто Лика, не забыла? – вмешалась сестра.

– Нет, Лика Ал... Лика.

– Замечательно, пойдём, я тебя до двери провожу.

Они ушли, а я сел за стол. Через две минуты Лика вернулась.

– Как тебе? – спросила она.

– Малолеток соблазняешь, – покачал я головой.

– Через год ей шестнадцать, так что она почти совершеннолетняя. и, кстати, ты ей гораздо больше нравишься.

– И что ты по этому поводу хочешь мне предложить? – Я посмотрел ей прямо в глаза.

Лика улыбнулась.

– Дело твоё, но смотри, не упusti шанс. Она дочь самого Борисова.

– Кого?!

– Лидера Профсоюза магов в Администрации.

Я прекрасно знал, кто такой Борисов, и спросил сестру:

– И он спокойно отпускает свою дочь к тебе?

– А почему бы ему не отпускать её? Кстати, сам Борисов – очень даже ничего, такой симпатичный мужчина.

– Я ему ноги вырву, он будет ещё красивее, – ревниво заявил я.

– Ты? Магу? Не смей!

– Это ты не смей. Этот Борисов нашего главного Сэнсэя как огня боялся. Я, конечно, не Сэнсэй, но на ноги мне хватит.

Лика засмеялась и села ко мне на колени.

– Не прибеждайся, даже я, глупая, понимаю, что ты стал мастером.

Она чмокнула меня в щёку.

– Мастер, говоришь. М-да... Интересно, и где же сейчас мой учитель? – грустно сказал я.

– Странствует где-то. Не бери в голову, что с ним могло случиться? Он ещё вас в Спортзале будет строить, каким-нибудь приёмчикам обучать.

– Приёмчикам, – хмыкнул я. – А вообще-то правильно... Ой, Лик, у тебя что, новые духи?

– Учужал, значит, а от тебя чем пахнет?

– Мылом хозяйственным.

– Нет, – тихо сказала Лика. – Это берёза и ещё что-то. Потом разберусь.

– Потом?

– Точнее, сейчас.

7. Спортзал

⁹

Проснулся я опять поздно. Выспался впрок, как любил говорить отец. Лика проснулась раньше, но ненадолго, постель рядом ещё тёплая. Я встал, оделся. Нашёл Лику на кухне. Она чистила картошку.

– Помочь? – спросил я.

– Угу, – она отошла в сторону, освобождая место.

Я взял нож и присоединился.

– Вот ты только подумай, – заговорила сестра, – я известная певица. Можно сказать, кумир миллионов.

– Чего?.. – ошарашенно спросил я.

– Кумир миллионов, ты не скалься. Вот увидят меня на Внешней Земле – и будут миллионы. И вот я стою тут и чищу эту грязную картошку своими руками.

– Давай наймём служанку?

– Видел, – Лика показала мне кулак. – Служанку ему! Хотя мысль интересная. Я вот слышала, скоро неандерталок обучат домашнему хозяйству и продавать будут. Давай тогда себе возьмём, а?

– Что ты вечно всякую хрень слушаешь, – фыркнул я. – Даже если неандертальцев с обколотым мозгом можно обучить картошку чистить, кто их тебе продаст? На шахтах вечный недобор, мрут, заразы, да и разводиться не получается. А свободные ушли ещё дальше. Зимние облавы хрен знает в какую даль придётся уводить. А ты говоришь для домашних работ.

Тут я обратил внимание, что Лика слишком пристально смотрит на картофелину.

Я вытянул руку с ножом, обнял её.

– Значит, хрен знает куда? – спросила она.

– Лика, ну еще ведь ничего не известно. До зимы ещё полтора месяца. Может, вообще Администрация речных троллей у Факторий купит. Решит, что овчинка выделки не стоит.

– Ясно, – тихо сказала она. – А правда говорят, будто вы нарвались на диверсантов. И их шестьдесят человек.

– Лика, ну мало ли что болтают люди. Какие шесть десятков диверсантов? Шайка разбойников, каких-то недобитков шастала. Наскочила на трапперов, а тут мы подоспели.

– Пойду, умоюсь, – сказала сестра, глядя в сторону. – В глаз что-то попало.

И вывернулась из моих рук.

Когда завтрак уже готовился на плите, Лика спросила:

– Какие планы на сегодня?

– В Спортзал зайду, потом за трофеями. Отнесу их к дяде Коле – на продажу.

– Ты только ему позвони сначала. А то опять свалишься как снег на голову.

– Он сейчас занят, – сказал я, взглянув на часы. – Но позвонить действительно надо. По одному делу.

А ты куда сегодня? – поинтересовался я после звонка.

– Не знаю. Вот сижу, жду, когда позвонят насчёт репетиции.

⁹ Здесь одновременно учебная база и крайне важный объект для Зелёного Города.

После завтрака я накинул старый синий плащик и не спеша побрёл в Спортзал. Захватил сумку со спортивной формой – своим древним кимоно. Ношу его с пятнадцати лет. С тех пор я не вырос. Как был метр девяносто два – так и остался.

Большое квадратное здание Спортзала находится между гарнизоном Города и Восточным рынком. Находится, можно сказать, в самом безопасном месте. Это правильно. Спортзал – это не просто клуб по интересам для разведчиков, это тренировочная база всего разведбатальона Зелёного Города. Точнее сказать, разведбатальон был сформирован на базе Спортзала. Создавали Разведку¹⁰ Зелёного Города, а вместе с ней всю систему выживания в Мире Колоний семь человек. Лучшие бойцы спецподразделений, мастера боевых искусств, маги. Среди них был мой отец.

Двое из создателей Разведки погибли, один умер своей смертью, один ушёл в политику, один отправился странствовать, один стал торговать, один до сих пор тренирует, несмотря на отсутствие ноги и трёх пальцев на левой руке. Но сейчас в Спортзале его нет, он командует войсками, которые уходят к Проходу встречать товар с Внешней Земли. Вообще, сейчас в Городе довольно пустынно, наверное, и в Спортзале мало народа.

И вот по пути на тренировочную базу я нарвался на выступления, о которых вчера говорил мне Антон. Толпа собралась действительно немаленькая – человек четыреста-пятьсот. В самой гуще народа несколько человек держали красный транспарант, на котором большими белыми буквами было написано: «Верните нас домой!»

Все люди, кстати, были неплохо одеты – по меркам жителей Зелёного Города. Оно и понятно, пришлые, попав в наш Мир, продают всякие безделушки с Внешней Земли, провалявшиеся вместе с ними. Так что деньги, чтобы прожить первые пару месяцев, у пришлых есть, а вот дальше...

Не все способны вкалывать по восемь – десять, а то и по двенадцать часов на заводе без перерыва. Не каждый может сначала пахать весь день землю, а потом дежурить полночи на частокле с ружьём или простым арбалетом. Причём люди этого не умеют не из-за лени, а просто потому, что физически не в состоянии, да и научиться этому не могут, а обучение в нашем Мире стоит ой как дорого.

Только вряд ли во всём Зелёном Городе наберётся пятьсот человек пришлых, ну от силы триста. Наверняка к ним присоединился всякий сброд, как и говорил Антон, обыкновенные бездельники и шушера, которых гонять и стрелять надо.

Я спокойно шёл мимо и поглядывал на толпу. Народ кучковался в переулке, ведущем на Восточный рынок, редкие прохожие обходили демонстрантов стороной. Перед толпой взад-вперёд курсировали милицейские, человек десять, а за ними я заметил трех разведчиков, державших автоматы стволами вниз. Судя по их лицам, они давно были не прочь разогнать все это столпотворение, желательно – парой-тройкой автоматных очередей. Один из троих обернулся ко мне и махнул приветственно рукой, я помахал в ответ, хотя разведчик был мне не знаком.

Толпа гудела, транспарант колыхался на ветру. Я так засмотрелся на это зрелище, что даже не заметил, как ко мне подбежала молоденькая темноволосая девчушка. А еще разведчик называется!

Девушка держала в руках микрофон в серебряной оплётке, соединённый с ленточным магнитофоном, у неё за спиной маячил толстый мужик с пузатенькой видеокамерой. Неужели те самые журналисты, которые Лику снимали?

– Скажите, как вы относитесь к дискриминации ряда граждан Зелёного Города, – быстро проговорила девчушка, ткнув микрофон мне в лицо.

¹⁰ Здесь слово, обозначающие отдельное элитное подразделение Колонии.

Нет, насчёт «девчушки» я погорячился. Бабе уже за тридцать, это у неё просто стиль такой, молодёжный.

– Не считаете ли вы, – не дождавшись ответа, затараторила журналистка, – что Зелёный Город проводит политику сегрегации, смахивающую на фашизм?

Тут она скосила глаза, увидела «Силуэт-М» у меня на руке и поняла, что ошиблась с тем, кому задавала вопросы.

– Прочь с дороги, – злым шёпотом сказал я и пристально посмотрел журналистке прямо в ее накрашенные глазки.

– Митя, пошли отсюда, – пискнула она и скрылась из моего поля зрения.

А я спокойно отправился в Спортзал.

Охраны перед входом не было никакой, может, это упущение. В дверях стоял молодой парень лет четырнадцати в пятнистой зелёной форме – караульный. Я тоже так дежурил лет в тринадцать. Меня он пропустил без вопросов и досмотра. Ё-моё, тоже безалаберность, но никаких происшествий до сих пор не случилось. Считалось, что Спортзал хранит от беды его слава и боевое братство. Любой, кто захочет пронести бомбу, к примеру, или предать Разведку, обречён. Но мне кажется, что квадратное трёхэтажное здание защищает кое-что помощнее юнца-новобранца и боевого братства. Впрочем, не моего уровня информация.

Из Спортзала доносились выстрелы: в подвале находился тир. Работали два человека, один с ПМ, другой, похоже, с «береттой». Я поднялся на второй этаж.

Каждый этаж занимают несколько штатных разведбатальонов, а тир общий. Зал моего батальона (седьмого) на втором этаже.

В раздевалке я переоделся и оставил пистолет. Идя в зал, глянул в зеркало. Лицо славянского типа, губы тонкие, нос прямой, а вот глаза карие, почти чёрные, и волосы чёрные, короткие. До сих пор не могу понять, отчего это. То ли оттого, что я по матери на четверть еврей, то ли потому, что по отцу на одну восьмую татарин.

В зале было всего три человека: Виталик Осипов, человек с идеальной фигурой, Дима Коломийцев, разведчик с почти квадратными бицепсами, по прозвищу Каланча, а ещё (вот это номер) охранник-здоровяк из «Спирали».

– А, Витёк, здорово, – сказал улыбчивый Виталий и, перестав разминаться, подошёл ко мне поздороваться. За ним подтянулся Дима.

– Что, закис? – спросил Виталик. – Решил кровь разогнать?

– Не без этого, я смотрю, у вас пополнение.

– Ага, – ответил Дима. – Это Егор, он недавно с Внешней Земли к нам попал. Сначала в охранники подался, но потом его в разведбат забрали. Он был инструктором рукопашного боя во внутренних органах. Хороший кадр. Знакомьтесь.

– Да мы уже с Виктором косвенно знакомы, – пробасил Егор и протянул руку.

«Да уж, имя ему подходит», – подумал я и пожал руку.

Вообще-то разведка состоит почти целиком из коренных, а вот основная хм... масса войск – это наёмники, сборная солянка из всех изъязвивших желание воевать. На первых порах квалифицированных рабочих в Зелёном Городе было мало, и их старались беречь, а вот в армию набирали всякую шваль, не нужную обществу. Порой записывали даже людей из других Колоний. Так что сейчас в наших войсках даже англо- и испаноговорящие попадаются.

– Ну познакомились и замечательно, – сказал Виталик, чуть ли не приплясывая вокруг нас, – давай, Витя, разминайся быстрее и побежали.

Я кивнул. Начал с дыхательной гимнастики, потом быстро прогнал разминочный комплекс и встал в строй третьим, между Димкой и Егором. И мы побежали: выносливость в разведке – это главное.

Бежали мы долго, что поделаешь, лично я уже в девять лет пробежал пять километров, не сбивая дыхания, а рабочий пульс начинается за сто двадцать ударов в минуту, тогда организм

начинает активно сжигать всё лишнее и можно начать интенсивную тренировку, что называется, на пределе. Егор всё-таки не выдерживал темп, но всё равно держался очень неплохо. На двадцатой минуте Виталья стал выкрикивать команды, и мы начали отрабатывать разные упражнения на физику, затем цепочки шагов, комбинации ударов. Всё на бегу, в рваном ритме.

Концовка была привычной – три ускорения с предельной скоростью по залу. На ускорении Егор и выпал, но ничего, с его массой и габаритами он еще долго продержался. Это какая силища должна быть? А вообще, с коренными бегать наперегонки бесполезно.

После пробежки – обычный цикл упражнений, на растяжку, силовые и прочее. Потом работа на тренажёрах: набивка рук и ног, оттачивание приёмов и прочее. Если честно, я люблю заниматься, когда в зале мало народа. А ведь иногда даже в зал мастеров набивается полно народу из младшей группы. Демографический прирост, ё-моё.

Вообще, почти сразу появилась идея создать на базе Спортзала, когда неясно было, что из него получится, что-то вроде кадетского училища. Идея лежала на поверхности, неполных семей и сирот полно, боевые действия фактически не прекращаются, но как-то не сложилось.

Во-первых, кадетское училище надо организовывать в Городе, а в нём и так всё рядом, так что особого смысла переводить детей на казарменное положение не было. Есть школа и несколько детдомов (последние под патронатом церкви), в которых преподаётся обязательный курс выживания. Есть офицерское училище, но в него берут только с боевым опытом из наёмников или разведки.

Во-вторых, разведбатальон с самого начала формировался как нечто вроде спортшколы, в которой дисциплина, конечно, была важна, но прививалась она по-другому. Разведчику на фиг не нужно драить полы, выглаживать парадную форму и расставлять кровати в ровную линию по верёвочке. Ответственность за друга, за группу, за задание, забота о своём оружии и снаряжении, умение принимать нестандартные решения, склонность к здоровому риску – вот необходимо. И эти качества развивают в летних лагерях, во время выходов на природу и в самом Спортзале.

– Ну что, бойцы? – Виталья захлопал в ладоши. – Может, в конце тренировки – лёгкий спарринг?

– Давай, – сказал Дима. – Только я с тобой, договорились?

– Договорились. Витёк, ты тогда с Егором.

Я кивнул, мой будущий соперник тоже.

Дима и Виталик встали друг напротив друга в центре зала. Дима – большой, высокий. Виталик ниже ростом, меньше весит, но мышцеватый, жилистый, подвижный.

Первым начал Дима. Быстрые, сокрушительные взмахи руками, размашистые, проносные удары ногами, которые... не достигали цели. Виталик, быстрый и ловкий, пропускал мимо тяжёлые удары, но и достичь противника тоже не мог. Так продолжалось с пол минуты, а потом Дима всё-таки ошибся. Не рассчитал расстояния, пропустил противника внутрь своей защиты и получил жёсткий блок в бедро левой рукой. А Виталик сразу из-под блока выстрелил правой рукой косою удар от себя. Прямо в печень. Бой закончился.

Виталик помог подняться Диме, они обнялись.

– Вот сука, – сказал Дима. – Опять та же самая ошибка. В третий раз.

– Это потому, что ты, Димон, – каланча, тебе голову опускать и на всяких мелких смотреть западло, – ответил Виталик.

– Да иди ты. Чё, вторая пара готова?

– Да, – сказал я.

Егор просто кивнул.

– Ну так начинайте, – глаза у Витали загорелись.

Мы с Егором вышли в центр зала. На мои огненные татуировки он не обращал внимания – не тот уровень, похоже, поединок будет интересным.

Мы поприветствовали друг друга, начался бой. Мой противник имел серьёзное преимущество в длине рук и массе, но атаковать не спешил. Мы вдвоём кружили по залу, Егор, как я понял, опытный рукопашник, наверное, захочет меня обмануть. Интересно, ему уже объяснили, что обычному человеку это не удастся, или Виталик решил преподать урок новичку – капитан всё-таки, должен командовать и учить новобранцев.

Мне стало немного скучно, и я решил ускорить события – чуть опустил левую руку, приглашая атаковать. Противник тут же выстрелил правой ногой в голову, но я уже *чувствовал*, куда на самом деле будет направлен удар. Пригнув голову, будто бы уворачиваясь, я сделал маленькое движение правой ступнёй вперёд. Нога противника описала красивую дугу и ушла вниз, а я уже согнул левую ногу так, что колено почти коснулось пола. И встретил удар блоком с упором в правую руку. Мой локоть вонзился противнику чуть выше колена в мышцы и жилы (после такого можно забыть, что у тебя есть нога), и я сразу выбросил правый кулак вперёд, не в пах (зачем калечить человека?), а в середину бедра, уже гарантированно отбивая конечность.

Опустил голову, пропуская удар кулаком. Егор, стоя на одной ноге, умудрился удерживать равновесие и попытался контратаковать.

«Молодец!» – мысленно похвалил его, а сам перенёс вес тела на другую ногу и подсёк здоровую ногу соперника.

Егор плюхнулся на пол, но не на задницу, а грамотно сгруппировавшись.

– Хорош, – крикнул Виталик и хлопнул в ладоши. Капитан, как-никак, привык командовать. Впрочем, парень он отличный, мой давний друг. Хотя иногда хочется, чтобы он командовал не в моём батальоне.

– Здорово получилось, – сказал Димка и потёр рукой печень.

Я помог подняться Егору, поблагодарил его. Утешать и обнадеживать не стал, мужику под тридцатник, ему и так нелегко среди нас, пацанов, но справится, иначе бы его не взяли.

– Ну что, тест Купера и в душ? – не то спросил, не то распорядился Виталия.

– Ну как тебе боец? – спросил у меня Виталик сквозь шум воды.

– Нормально, – ответил я. – Упёртый, умный, волевой. Рукопашник, кстати, на уровне. Нормальный кадр, как ты выразился. Иначе бы вы его не взяли.

– Он на испытательном сроке. Дали мне на проверку, пока вот после него восстанавливаюсь.

Виталий кивнул на рваный шрам поперёк ключицы.

– Наверное, он крутой боец, раз ты с ним возишься? – равнодушно спросил я.

– Да, спецподразделение «Малахит», слышал о таком?

– Не-а.

– Контртерроризм, двадцать восемь лет, четырнадцать боевых операций, три ордена и медаль, «Зеленый берет».

– погоди, – перебил я его, – у них же там головной убор другого цвета?

– Есть и зелёный, – сказал Виталия и продолжил: – Трёхкратный чемпион внутренних соревнований по рукопашному бою. Сам попал к нам. Нашёл Прокол и провалился. Скучно ему стало на Земле.

– Ну я же говорю, крутой боец.

– Витёк, ты действительно не понимаешь или придуливаешься? Человек – инструктор по рукопашному бою. А ты его с одного удара положил.

– С трёх. Блок, удар, подсечка. И я не понимаю, чего ты от меня хочешь. Твоя головная боль, ты и разбирайся.

– Да я не про это, – Виталик в досаде махнул рукой. – Как-то это неправильно. Верить – нет? Сейчас бы с Сэнсэем посоветоваться.

Виталик был на год старше меня, родился на Внешней Земле, так что ему виднее. Но не понимаю, в чём проблема.

– Так в чём проблема? – спросил я у него. – Если мы круче наших наёмников, почему мы должны быть хуже какого-то «Малахита».

– Я разобраться хочу. Понять почему? Помнишь, как сэнсэй Сунь-Цзы цитировал: «Если знаешь себя – знаешь противника. Хоть сто раз сражайся, всё равно победишь».

– Ну не знаю. По-моему, знать, что ты сильнее, достаточно. А ты, значит, считаешь, что Внешняя Земля – наш вероятный противник?

– Нет, но узнать себя хочу, – серьёзно ответил капитан.

– Блин, Виталя, ну нельзя быть таким замороженным. Живи проще, и всё будет нормально.

– Еде-то я уже это слышал, – хмыкнул он.

– В мультфильме, который в Кинотеатре крутили.

– Нет, там по-другому было... В тир стрелять идёшь?

– Не могу, – ответил я, закрывая кран в душевой. – Время поджигает, на склад надо. Трофеи забрать и продать.

– А зачем тебе столько денег? – с прищуром спросил Виталик. – Мог бы давно капитаном стать, а там и в майоры выбиться.

– Ну не все же радеют о родном Зелёном Бороде да в свободное время философскими думами разум свой отягощают. Кто-то по жизни циничный, алчный гад.

– Давай-давай, – смеясь, ответил Виталик, тоже закрыл воду и взял полотенце. – Только попробуй у Самохина и мне скидку на что-нибудь выбить.

– Это будет сложно, но я постараюсь.

* * *

Склады находились на территории гарнизона, но попасть в них можно было со стороны Спортзала. На КПП дежурили трое солдат с дробовиками, причём не самодельными. Я сразу вспомнил, что Сашок всё хотел дробовик себе взять, вместо автомата, но это вроде как отступление от правил. Никто у нас не работал с таким оружием во время рейдов, а экспериментировать не хотелось. Проверочной коробки на КПП не было, зато кинолог вывел мне навстречу *это*. Огромная треугольная голова ткнулась мне в грудь и обнюхала мокрым носом. Здоровенная овчарка, или как она правильно называется, помесь земной породы со здешними. Собака два раза нюхнула, а потом приподняла голову и взглянула умными глазами.

«Что смотришь, псина? – мысленно сказал я. – Пропускай давай».

Пёс чуть приподнял губу, обнажив клыки (умный, ничего не скажешь), но больше никак не отреагировал. Повернулся и вальяжно ушёл прочь, потянув за собой кинолога и всем своим видом демонстрируя нежелание тратить время на такое жалкое существо, как я.

– Проходите, – сказал дежурный офицер, отдал честь и вернул моё удостоверение, которое я секунду назад отдал ему для проверки.

На главном городском складе пахло пылью, маслом, бензином и чем-то кислым.

На проходной сидел за столом усатый упитанный прапорщик.

– Трофеи забрать, – махнул я у него перед носом удостоверением и клочком бумаги.

Прапорщик неторопливо просмотрел документы и гаркнул:

– Пархоменко, Золотухин! Быстро в трофейный отдел, сумка 1410-25-16. Сюда тащите.

На крик появились два замызганных, тонкошеих бойца и потопали куда-то вдаль. Спустя десять минут вернулись, таща запечатанный жёлтый мешок. Солдатики бросили его на стол прапорщику, тот вскрыл печать, я уловил еле заметный всплеск магии. Прапорщик достал из стола бумагу.

– Пять автоматов Калашникова, четырнадцать магазинов и пятьдесят шесть пулемётных патронов. За пулемётные патроны получите деньгами в жалованье. Вот, распишитесь.

Я, не глядя, расписался в ведомости. Что ни говори, интенданты у нас работают отлично, отец говорил, что на Внешней Земле не так, хотя, по-моему, это сомнительно. Если в тылу бардак и воровство, как можно воевать?

Расписавшись, спросил:

– От вас можно позвонить?

– Да, – ответил прапорщик, – через восьмёрку.

И кивнул на телефон в углу стола.

– Девушка, – через несколько секунд сказал я в трубку. – Пожалуйста, три, пять, два, шесть, семнадцать.

– Слушаю, – в трубке прогудел низкий голос.

– Николай Петрович, здравствуйте. Это Виктор Ахромеев. Можно к вам сегодня зайти, товар у меня для вас. АКашки пять штук и патроны к ним.

– Можно, как раз кстати будешь.

– Ясно, значит, минут через сорок буду.

– Погоди, ты сейчас со склада звонишь?

– Угу, – ответил я, – с восточной стороны.

– Так, значит, стой у КПП, я сейчас за тобой пришлю.

– Спасибо, Николай Петрович, жду.

И уже прапорщику, положив трубку:

– Спасибо за звонок.

Я порылся в кармане и положил перед прапорщиком маленькую медную монету. Тот как будто её и не заметил. Но, когда я уже выходил на улицу и обернулся, монеты на столе не было.

8. Друг отца

Через пятнадцать минут к восточному КПП подъехала коляска алого цвета, запряжённая белой лошастью. Красиво. Любит Николай Петрович красивые жесты.

– Вы Виктор Александрович? – спросил у меня извозчик.

– Он самый.

– Тогда извольте закинуть груз и сами садитесь.

– Это можно, – усевшись, я добавил: – Только ты уж разгони как следует.

– Сделаем, в Городе меня ни одни «уазик» не догонит, – ответил извозчик.

Я хмыкнул, вспомнив, как водит свою «раму» последний действующий тренер в Спортзале, полковник Анатолий Голубев, по прозвищу Толя Каскадёр. Но вслух ничего не сказал.

Извозчик Сеня, как он представился, правил коляской и вправду лихо. В повороты вписывался отлично, хотя спасибо за это надо сказать и рысаку Инею – хороший конь, умный. Мимо проносились одинаковые здания, фонарные столбы, прохожие в невзрачной одежде.

Мы свернули к рынку, в воздухе сразу повис аромат овощей и зелени, который вскоре сменился резким запахом машинного масла и металла, когда мы въехали в ряды запчастей. Контора Николая Петровича располагалась в самом элитном месте, возле магического и оружейного отдела рынка – двух невысоких длинных домов, облицованных рифлёным железом. Напротив высилось жёлтое здание с синими резными наличниками на окнах и вывеской по фасаду: «Торговый дом купца Самохина: оружие, запчасти, нефтепродукты».

За оружейным отделом начинались ряды, где торговали животными, но нам туда не надо. Хотя Лика давно намекала, что взяла бы в компанию к Баське какую-нибудь мохнатую ящерицу, маленького паука-скорпиона или лилию-мухолова. Впрочем, сейчас там нет ничего интересного. Весь стоящий товар куплен для отправки через Проход на Внешнюю Землю, а торговля магическими животными уже давно монополизирована Администрацией, которая скупает всё у трапперов.

Дом свой купец Самохин строил под старину, у него вообще всё под старину, кроме двух охранников у входа.

На первом этаже велась торговля. Здесь стояли лавки с товарами, перед которыми выстроились небольшие очереди покупателей, трещали телефоны, гремели металлические кассовые аппараты. На втором этаже было тихо, пахло кофе и корицей. Из просторного зала, вдоль стен которого стояли небольшие берёзки в деревянных кадках, в разные стороны вели два коридора. Я пошёл по тому, что вёл к кабинету хозяина конторы. Зайдя в приёмную кабинета, я увидел два стола, за которыми сидели две секретарши. Подмигнув молодой секретарше, я сказал той, что постарше:

– Мне назначено.

Я вошёл в кабинет хозяина конторы. И тут же услышал слабый хлюп, словно кто-то всасывал воду. Это поймала муху стоящая на подоконнике лилия-мухолов, как раз такую хотела купить Лика. Аккуратный, высокий бутон с шестью лепестками на зелёном стебле, раздутом у корня, будто клизма. Собственно, по схожему принципу с клизмой лилия насекомых и ловит.

Николай Петрович сидел за своим рабочим столом. Одет он был тоже под старину: на шее толстая золотая цепь, белая рубаха с узором, поверх нее – какой-то то ли кафтан, то ли халат с высоким воротником. В общем, настоящий купец из прошлого, какими они были на Внешней Земле. А широкая борода и солидный живот только усиливали это сходство.

На столе дяди Коли обычно в живописном беспорядке были разбросаны разные безделушки со всего Мира. Сейчас на нём лежал кусок синей руды из Южной Колонии (в такой руде ищут изумруды), рядом с ним стояла банка с заспиртованным детёнышем речного удава (такие водятся в реках Факторий), а прямо посреди стола на высоком подсвечнике горела волшебная

свеча. От неё вверх уходили еле заметные всполохи. Именно из-за них в кабинете чуть-чуть пахло грозой.

– Здравствуй, Виктор, – поприветствовал меня Николай Петрович.

Всё-таки он не похож на человека, который десять лет назад был одним из лучших бойцов Разведки, но в голосе по-прежнему чувствуется твёрдость, сила, которой хочется подчиниться.

– Здравствуйте, дядя Коля. Вот трофеи, – сказал я, тряхнув сумкой.

– Положи туда, на стул около пальмы. Чего там?

– Пять автоматов, четырнадцать магазинов.

– Неплохо, неплохо, – задумчиво сказал Николай Петрович. Что там внутри, он, конечно, смотреть не будет. Не те у нас отношения. Подумав немного, он проговорил: – Думаю, это стоит две с половиной твоих зарплаты. Согласен?

– О чём речь? – согласился я.

– Вот и поторговались, – улыбнулся дядя Коля. Открыл ящик стола и достал два мешочка разного размера, они металлически звякнули, коснувшись стола.

Я не сдержался. Поднял и открыл тот, что поменьше, взял несколько золотых монет новой чеканки. Заглянул во второй – серебряные монеты, тоже новые, с гербом Зелёного Города – большим дубом, на котором восседает орёл.

– Чайку со мной попьёшь? Или предпочитаешь кофе с коньяком? У меня есть – земной кофе, не чета нашему.

– Я с вами и простую воду пить готов. Но кофе было бы неплохо.

Николай Петрович покрутил диск телефона и сказал в трубку:

– Нина, нам кофе с коньячком для особых гостей.

Через минуту в кабинет вошла секретарша, та, которая помоложе, в короткой чёрной юбке и белой рубашке. Эта одежда не подходила к обстановке дома и кабинета, но, похоже, коммерсанта Самохина это не волновало. Секретарша поставила на стол поднос с чайными принадлежностями и удалилась, покачивая попкой. Я проводил её внимательным взглядом.

– Ну что, попробуем? – вернул меня к реальности Николай Петрович.

– А как же!

Я вдохнул аромат кофе, отпил глоток. Изумительный вкус.

– Рассказывай, как жизнь?

– Да нормально, что тут говорить. Ничего нового.

– А как Лика? – спросил Николай Петрович. Он умный человек, не в своё дело лезть не станет, и мы с сестрой ему многим обязаны. Может, и не было бы у нас квартиры и ещё много чего, если бы не он.

– Нормально. Поёт. Скоро большой концерт состоится. Познакомилась недавно с одной девочкой, Аглаей, вроде бы дочерью самого лидера профсоюзов магов. Не слышали о ней?

– Слышал, – Николай Петрович откинулся в кресле. – Знакомил он меня с ней. Не завидую я ему. Шебутная девчонка. Головной боли с ней, как с моими тремя дочками. Ну почти. Вообще, хочу тебе, Витя, сказать, что с девчонками проблем больше, чем с парнями. Это я тебе авторитетно заявляю, хоть сына у меня нет.

Он посмотрел на меня со странной смесью зависти, сожаления и облегчения во взгляде.

– А у вас как дела идут? – спросил я, решив сменить тему. – Говорят, цены на бензин с Внешней Земли опять выросли?

– Это верно, контракты там опять вздумали переписывать. Да только думалки у них коротки. Ничего, как-нибудь перезимуем, Вить. Но, если честно, задолбали меня эти клерки и бумагомараки. Хоть гендиректоры, хоть кто, как были они офисным планктоном, так и остались.

– Кем? – переспросил я.

– Ну офисные работники всякие, которые на Земле только и делают, что бумажки перетаскивают с места на место.

– Так вы же сами выбрали эту работу.

Ещё немного подумав, я задал вопрос, который уже несколько раз задавал, но Самохин всякий раз уходил от темы, однако я настаиваю.

– Николай Петрович, а почему же вы всё-таки ушли в торговлю?

– Везде есть свои плюсы и минусы, Витя. Вот ты, к примеру, часто улыбаешься людям, идущим навстречу по улице?

– А на хрена? – удивился я.

– Вот, а на встречах люди друг другу улыбаются. Лицемерно и лживо. Но бывает, люди идут по улице и просто искренне улыбаются друг другу. Вот у меня случай был.

Николай Петрович налил ещё кофе себе и мне.

– Сопровождали мы какой-то груз в самое большое поселение Факторий и остались там на несколько дней. Иду я как-то по тому городу, а ты знаешь, там всегда народ по улицам гуляет, даже с Внешней Земли. Я иду, весь такой собранный – всё-таки населенный пункт вероятного противника, и не понимаю, что вокруг, где я. Вроде людей кругом полно, а я один, совсем один и не могу понять, что происходит. Люди меня как-то сторонятся, отводят взгляд. Понимаешь, вот стою, не знаю, что и делать. Как щенок новорождённый. Ничего не понятно.

Захожу в ближайший магазин, нахожу зеркало, смотрю – твою мать: волосы короткие, вздыбленные, как щетина у кабана, глаза шальные, выражение лица такое, будто силой мысли пытаюсь остановить летящую в меня кувалду.

Тут я хихикнул, а Николай Петрович продолжал:

– Ну, значит, рассматриваю я себя в зеркало. Тут продавец подсказывает: «Вам что-нибудь подсказать?» Я повернулся, глянул, а «боевой» взгляд не выключил. Продавец ошарашенно отошёл на шаг. Думаю: «Ё-моё, зачем обидел человека?»

И, чтобы сгладить впечатление, решил продавцу улыбнуться: губы, значит, раздвинул, зубы показал. Тот аж присел. Решил, наверное, что сейчас его есть будут. Если бы он пещерного льва увидел, и то, наверное, меньше бы испугался. Вот с тех пор я и обращаю внимание на улыбки.

Последнюю фразу Николая Петровича я уже плохо расслышал из-за собственного смеха. А отсмеявшись, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.